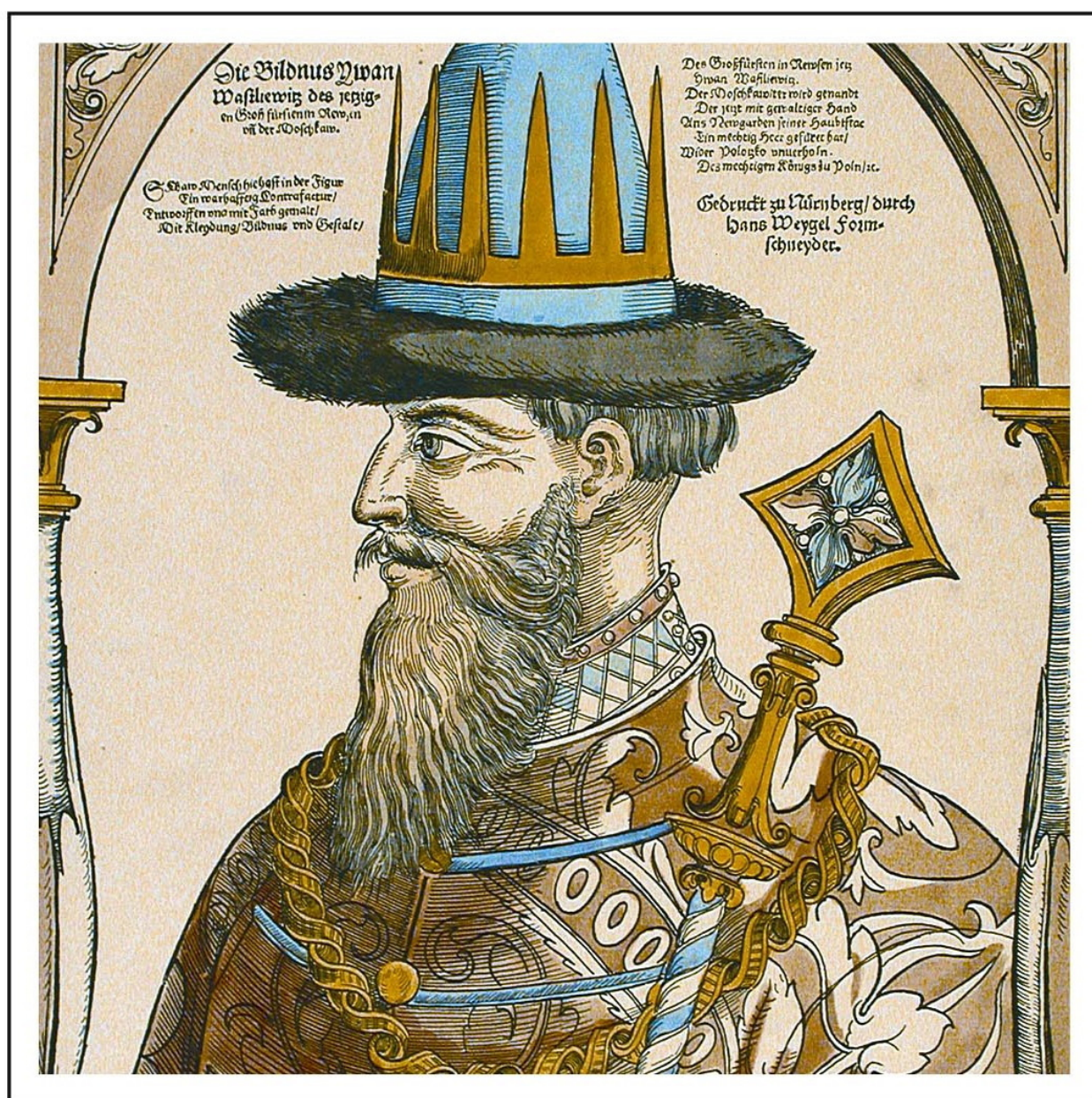

В.В. ПЕНСКОЙ

ДЕЛО ГОСУДАРЕВО

Очерки русской военно-
дипломатической истории времен Ивана Грозного.
2-я половина 40-х — начало 60-х гг. XVI в.

Новейшие исследования по истории России

Виталий Пенской

**Дело государево. Очерки русской
военно-дипломатической
истории времен Ивана
Грозного. 2-я половина 40-
х – начало 60-х гг. XVI в.**

«Центрполиграф»

2026

УДК 94(47).043

ББК 63.3(2)43

Пенской В. В.

Дело государево. Очерки русской военно-дипломатической истории времен Ивана Грозного. 2-я половина 40-х – начало 60-х гг. XVI в. / В. В. Пенской — «Центрполиграф», 2026 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-11347-4

С успешных набегов в 1545 г. судовой рати князя С.И. Микулинского на Казань начался новый этап в русской военной и дипломатической истории времен Ивана IV. Постепенная стабилизация внутривнутриполитического положения позволила активизировать внешнюю политику Русского государства. Это коснулось прежде всего восточного ее направления, которое надолго стало доминирующим в русской внешней политике в обеих ее ипостасях, военной и дипломатической, и оказало определяющее влияние и на политику внутреннюю. Борьба за Казань и Астрахань, сложные и противоречивые отношения с «самовольной» Ногайской Ордой, попытка реализации крымского «проекта», предполагавшего в перспективе установление «мягкого» русского протектората над Крымом по казанскому образцу, — вот то, что на протяжении полутора десятков лет в первую очередь занимало умы московского боярства и молодого царя Ивана Васильевича. Успехи Москвы на востоке не могли не вызвать растущих опасений у правящей элиты Великого княжества Литовского, мечтавшей взять реванш за поражения, которые претерпела Литва при деде и отце Ивана Васильевича, и у ливонских ландсгерров, для которых «русская угроза», *Rusche gefahr*, стала смыслом жизни. Попытка польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда II «инкорпорировать» Ливонию в свои владения столкнулась со встречным желанием Ивана IV заставить ливонских ландсгерров выполнять подписанные ранее обязательства и привели к первой войне за раздел «ливонского наследства», Ливонской войне 1558—1561 гг., войне, которой никто не хотел, но которая была неизбежна. Обо всех этих событиях рассказывает новая

книга доктора исторических наук В.В. Пенского. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).043

ББК 63.3(2)43

ISBN 978-5-227-11347-4

© Пенской В. В., 2026

© Центрполиграф, 2026

Содержание

Вместо введения	7
Очерк I	11
1. «Казанщина» Ивана IV: начало	11
2. «Поворот на восток» и миссия Шлитте	24
3. Борьба «партий» в Казани, ногайская интрига и «аерное нестроенье»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Виталий Пенской
Дело государево. Очерки русской
военно-дипломатической истории
времен Ивана Грозного. 2-я
половина 40-х – начало 60-х гг. XVI в.

Серия «Новейшие исследования по истории России»

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Рецензенты:

д. и.н., профессор *В.Н. Глазьев*,

д. и.н., доцент *Д.А. Ляпин*

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Пенской В.В., 2026

© «Центрполиграф», 2026

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2026

Вместо введения

Рассуждая в 1717 г. о том, кто более принес пользы Отечеству, Петр I или его отец, Алексей Михайлович, князь Яков Долгорукий, боярин, сенатор и генерал-пленipotенциар-кригс-комиссар, выделил три главных государевых дела. Первое из них – внутренняя расправа и правосудие, второе – война и третье – флот и дипломатия. Памятуя об известной фразе прусского военного теоретика К. фон Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами¹, объединим второе и третье государевы дела в одно и рассмотрим в этом кратком очерке вопросы, связанные с внешнеполитической деятельностью, дипломатией и войной Ивана Грозного. Однако предварительно коснемся вкратце такой важной проблемы, как историография вопроса, – что писали о внешней политике и войнах первого русского царя историки русские и зарубежные.

Война и дипломатия как одни из важнейших составляющих политической, «внешней», истории всегда привлекали повышенное внимание и исследователей, и читающей публики. Традиционная история вообще предстает перед нами, как правило, в виде череды войн и дипломатических интриг. Яркие и запоминающиеся, они оттесняют на второй план историю «внутреннюю», которая, на первый взгляд, не столь интересная и запоминающаяся. Правда, в случае с Иваном Грозным это правило срывается не в полной мере уже хотя бы потому, что титаническая фигура первого русского царя, равного одинаково и в гении, и в злодействе, выделяется «лица необщим выраженьем» и во «внешней», и во «внутренней» истории – одна его загадочная опричнина заслоняет собой едва ли не все его деяния. Однако эта исследовательская аберрация, имеющая давние корни, не должна закрывать от нас понимание того факта, что внешняя политика всеми средствами, и дипломатией, и войной, занимала в деятельности Ивана одно из первых, если не первое место.

Увы, этого не случилось, если взглянуть на историю изучения внешнеполитической деятельности Ивана Грозного. «Внутренняя» история, рассматриваемая сквозь «очки», которые предложил историкам князь Андрей Курбский (замечательный образ, предложенный А.И. Филюшкиным!), если не заслонила собой «внешнюю», то, во всяком случае, оттеснила ее на второй план. Больше того, при рассмотрении проблем, связанных с внешней политикой Русского государства при Иване Грозном, налицо еще одно смещение исследовательских акцентов. А.Л. Хорошкевич, автор единственного на данный момент фундаментального исследования по внешней политике Ивана IV, отмечала в этой связи, что сама фигура первого русского царя и его опричнина оттесняли «на третий и более дальние планы... его международные начинания, иерархия которых зависела не столько от хронологии событий (Казанская война и завоевание Казани, а затем и Астрахани, Ливонская война, русско-турецкая война), сколько от точки зрения исследователей (замечим, кстати, что в этом перечне выпал четвертьвековой конфликт, настоящая «война двух царей», между Иваном и его крымским «братом» Девлет-Гиреем I. – В. II.)...»². Так что стоит ли удивляться тому, что пресловутая Ливонская война, «изобретенная» позднейшими историками Нового времени, перекрывает собой все остальные внешнеполитические события той бурной эпохи, даже войну Казанскую, при рассмотрении которой основной упор делается на последней ее «главе» – «третьей Казани» 1552 г.!

Учитывая все это, перейдем к краткому анализу литературы, которая так или иначе касается внешней политики Ивана Грозного. В соответствии с озвученным выше тезисом А.Л. Хорошкевич всю ее можно разделить более или менее четко на две основные и неравноценные (по объему и количеству) группы. В первую входят работы, касающиеся как самого Ивана

¹ Клаузевиц К. О войне. Т.1. М.: СПб., 2002. С. 23, 47.

² Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 33.

Грозного, так и истории его правления, а во вторую – исследования, затрагивающие его внешнюю политику во всех ее проявлениях. Классические работы дореволюционных историков, как, к примеру, С.М. Соловьев или С.Ф. Платонов, мы трогать не будем – о них уже было сказано прежде, равно как и столь же классические труды по истории эпохи Ивана Грозного А.А. Зимина или Р.Г. Скрынникова тоже. Внешняя политика Ивана IV и его войны как часть этой политики в этих исследованиях присутствуют, но, в точном соответствии с наблюдением А.Л. Хорошкевич, они выступают, как правило, не более чем фоном, историков интересовали другие проблемы и другие вопросы, связанные с эпохой и личностью первого русского царя. Была надежда, что во 2-й половине 80-х – начале 90-х гг. вслед за «Дипломатией Петра Великого» Н.Н. Молчанова, «Дипломатией Людовика XIV» Ю.В. Борисова, «Дипломатией Симона Боливара» А.Н. Глинкина и рядом других аналогичных книг выйдет и исследование по дипломатии Ивана Грозного, но этого, однако, не произошло.

Аналогичным образом обстоят дела и с западной историографией. В результате сегодня сложилась ситуация, когда полноценного, комплексного, охватывающего все стороны внешнеполитической деятельности, в том числе и военной, Ивана Грозного исследования нет. А что есть? Есть написанная на английском языке (к сожалению, так и не переведенная на русский язык – а если бы этот перевод был, то, пожалуй, это исследование было бы более полезным, чем двухтомник В.А. Волкова «Войско грозного царя»³, который носит ярко выраженный описательный и, прямо скажем, некритический по отношению и к источникам, и к предшественникам характер) известным петербургским историком А.И. Филюшкиным работа по военной истории царствования Ивана⁴. Есть упомянутое выше исследование А.Л. Хорошкевич (к сожалению, автор довел его лишь до 1570 г. и остановился – продолжения не последовало). Есть свежий общий обзор, выдержанный в анналистической манере, внешней политики Русского государства эпохи Ивана Грозного, принадлежащий перу В.В. Разуваева⁵. И естественно, нельзя не упомянуть хоть и небольшой, но ценный очерк внешнеполитической деятельности первого русского царя в многотомной «Истории внешней политики России», написанный известным специалистом по русско-крымским отношениям А.В. Виноградовым (хотя и не со всеми тезисами автора очерка можно согласиться)⁶.

Главный недостаток очерка А.В. Виноградова – его небольшой объем, продиктованный требованиями редакции тома. Ограниченный в размерах текста, автор вынужден был не вдаваться в детали, сосредоточившись на общем обзоре важнейших действий Ивана Грозного и его дипломатов. Отметим также и некоторую традиционность оценок историка, который полагал Ливонскую войну главным внешнеполитическим событием эпохи Ивана IV и в рамках этой парадигмы рассматривал деятельность первого русского царя в военно-дипломатической области. Сложнее дать однозначную оценку работе А.Л. Хорошкевич. Хотя с того момента, когда книга увидела свет, прошло уже два десятка лет, ничего подобного по временному и географическому охвату и количеству привлеченных к написанию труда источников ни отечественная, ни тем более западная историография не смогли создать, и в этом ее несомненное достоинство. Но недостатки, присущие этому исследованию, не менее значительны, чем достоинства, и самый главный недостаток – явная и очевидная (автор и не пытается ее скрывать) пристрастность, причем ярко выраженного негативного свойства, весьма далекая порой от объективности. Анализируя внешнеполитическую деятельность Ивана Грозного, историк целиком и полностью находится в рамках «тираноборческого», «либерального» «дискурса», с давних пор утвердившегося в отечественной историографии, и это, естественно, не могло не

³ Волков В.А. Войско грозного царя. Т. 1–2. М., 2016.

⁴ Filjushkin A. Ivan the Terrible. A Military History. London, 2008.

⁵ Разуваев В. История внешней политики России. Кн. 2. От Ивана IV до Федора Ивановича. М.; СПб., 2023.

⁶ Виноградов А.В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV – XVII век (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 134–195.

сказаться на ее выводах и оценках⁷. При этом стоит заметить, что, освещая вопросы внешней политики Ивана Грозного, исследователь концентрирует свое внимание на «европейской» ее составляющей. «Азиатская» же, «татарская» прежде всего, остается на втором плане. Такой подход, на наш взгляд, мало того, что однобокий, так он, неверно расставляя приоритеты в русской внешней политике времен Ивана Грозного, еще и не позволяет верно интерпретировать мотивы принятия тех или иных решений царем и Боярской думой. По этой причине, характеризуя внешнюю политику конца 40-х – середины 60-х гг. XVI в., мы предполагаем уделить основное внимание именно восточному ее направлению, благо западное неплохо охарактеризовано А.Л. Хорошкевич.

Говоря о современной историографии вопроса, нельзя не упомянуть и о соответствующем разделе в многотомной академической «Истории России». 1-я часть 4-го ее тома, посвященная России в XVI в., вышла в минувшем году, и немалая часть 6-й главы ее посвящена как раз интересующей нас проблеме⁸. Правда, сам по себе характер издания определил и его результат – перед нами довольно подробный очерк русской внешней политики, позволяющий составить общее представление о ее основных направлениях, успехах и неудачах на протяжении столетия. Однако если о дипломатии в этом коллективном обзоре говорится более или менее подробно, то сугубо военный аспект внешнеполитической деятельности Москвы рассматривается по старой традиции как раз наоборот, мимоходом. К тому же составные части очерка, написанные разными авторами, различаются не только по объему, но по качеству.

Завершая наш краткий историографический обзор, не забудем и про отдельные издания, которые рассматривают некоторые аспекты дипломатической и военной истории эпохи Ивана Грозного, в том числе и подготовленные в свое время автором этих строк⁹. Нельзя не вспомнить в этой связи отлично фундированное исследование А.В. Виноградова о русско-крымских отношениях в 50–70-х гг. XVI в. (увы, эта работа, которая фактически открыла новую страницу в изучении русско-крымских отношений, вышла скромнейшим тиражом и за пределами узкого круга интересующихся этим вопросом осталась практически неизвестна)¹⁰, или исследования А.И. Филошкина, связанные с действиями России и ее соперников на северо-западном направлении в 50-х – начале 80-х гг. XVI в.¹¹ Его же статья о характере пресловутой Ливонской войны¹², на наш взгляд, носила программный характер и может по праву считаться началом нового этапа в изучении истории русской внешней политики на западном и северо-западном направлениях в эпоху Ивана Грозного.

В целом же, если попробовать подвести общие итоги изучения внешнеполитической деятельности Ивана Грозного к настоящему времени, то можно с уверенностью сказать, что, несмотря на все трудности и проблемы субъективного и объективного характера, все же исследования по этой проблеме значительно продвинулись вперед. И дело даже не столько в том, что были сделаны какие-то новые открытия, кардинально поменявшие наши представления об этой странице отечественной истории. Накопленный в результате работы нескольких поколений российских (и отчасти зарубежных) историков фактический багаж позволяет составить

⁷ Любопытно сравнить позицию и подходы двух отечественных историков, А.Л. Хорошкевич и А.А. Смирнова, в их заочной дискуссии на страницах журнала «Родина» в 1994 г. См.: *Смирнов А.А.* Государство сражающейся нации // *Родина*. 1994. № 9. С. 34–38; *Хорошкевич А.Л.* Государство Всея Руси // *Родина*. 1994. № 5. С. 20–26.

⁸ *История России: В 20 т. Т. 4. Кн. 1. Россия в XVI веке. Создание единого государства*. М., 2024. С. 377–528.

⁹ См., например: *Пенской В.В.* Очерки истории Ливонской войны. От Нарвы до Феллина. 1558–1561 гг. М., 2017; *Пенской В.В.* Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570 гг. М., 2019.

¹⁰ *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века. Т. 1–2. М., 2007.

¹¹ См., например: *Филошкин А.И.* Закат северных крестоносцев. «Война коадьюторов» и борьба за Прибалтику в 1550-е годы. М., 2015; *Филошкин А.И., Кузьмин А.В.* Когда Полоцк был российским. Полоцкая кампания Ивана Грозного 1563–1579. М., 2017.

¹² *Филошкин А.И.* Ливонская война или Балтийские войны? К вопросу о периодизации Ливонской войны // *Балтийский вопрос* в конце XV – XVI в. М., 2010. С. 80–94.

более или менее полное представление о ней. Нет, скорее нужно вести речь о том, что в последние десятилетия пусть и с трудом, но сквозь упомянутый выше долгое время доминировавший и в науке, и в общественном мнении «либеральный» «дискурс» постепенно пробиваются новые тенденции, связанные с переоценкой внешней политики времен Ивана Грозного и ее результатов. Реинтерпретация свидетельств источников с учетом новых «вопросников» (А.Я. Гуревич) и отказ от слепого следования схеме «двух Иванов» не могли не дать новых, кажущихся необычными, однако представляющихся более объективными и приближенными к истине результатов. О них и пойдет дальше речь.

Очерк I

Казанская эпопея 1545–1552 гг.

1. «Казанщина» Ивана IV: начало

В предыдущей части нашей биографии Ивана Грозного («Иван Грозный. Начало пути») мы уже отмечали, что воссевший на казанском «царском» седалище крымский «царевич» Сафа-Гирей, злейший враг Василия III, перенес свою враждебность с отца на его сына. В результате «казанская» «украина» стала ареной «малой» войны, регулярных набегов казанцев и подвластных им народов на владения великого князя Московского. Однако сам по себе Сафа-Гирей, опиравшийся на свой немногочисленный двор, вряд ли смог бы стать серьезной политической фигурой и участником «Большой игры», если бы за его спиной не стояла «младоказанская» «партия»¹³, которая рассчитывала использовать амбициозного и энергичного Сафа-Гирея в своих интересах.

Интерес же этот состоял, судя по всему, в том, чтобы подвергнуть дальнейшему пересмотру установившуюся во времена Ивана III и несколько скорректированную в пользу Казани при Василии III систему отношений между двумя государствами. Эту «партию», которую можно смело назвать «партией войны», не устраивало вассальное положение Казани по отношению к Русскому государству, даже в смягченном его варианте. И надо полагать, программа-максимум «младоказанцев» состояла в том, чтобы Москва признала свое подчиненное положение от Казани и (почему бы и нет?) платила казанским «князьям» и мурзам богатые и регулярные «поминки» (кстати, в татарский текст шерти 1539 г. дядя Сафа-Гирея Сахиб-Гирей вписал обязательство Москвы ежегодно выплачивать «поминки» не только в Крым, но и в Казань)¹⁴. Последние же можно было бы трактовать как «реинкарнацию» старого «доброего» ордынского «выхода». А чтобы Москва стала посговорчивее и услышала казанское послание, Сафа-Гирей и его сторонники сделали ставку на «малую» войну. Непрерывные и болезненные набеги на пограничье должны были, по замыслу казанского «царя» и его «думных людей», ускорить принятие Москвой казанских условий замирения – ведь худой мир лучше доброй ссоры!

Выбранная стратегия «тысячи порезов» казалась беспроблемной. С одной стороны, за спиной у казанцев маячила тень Крыма (а там наконец-то прочно уселся на ханском седалище воинственный и крайне недружелюбно настроенный по отношению к русским дядя Сафа-

¹³ Отметим, что казанский исследователь А.В. Аксанов в одной из своих недавних статей (Аксанов А.В. К вопросу о «партийном делении» политической элиты Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2022. № 10 (2). С. 482–490) высказал сомнения относительно устоявшейся в историографии концепции «партийного» деления казанской аристократии. По его мнению, истоки политической борьбы, раздиравшей Казанское ханство с конца XV в., нужно искать не в противостоянии прорусской «партии» и ее противников при дворе казанских «царей», а в последствиях «более глобальной борьбы Крыма, Москвы, Шибанидов и ногаев за контроль над юртами поздней Золотой Орды», тогда как противоборствующие казанские аристократические кланы «лишь лавировали между этими силами, принимая ханом то одного, то другого ставленника» (с. 487). Такая трактовка представляется интересной, однако, вместе с тем, полностью отказываясь от прежней, на наш взгляд, все же не стоит. Мы полагаем, что и «староказанская», и «младоказанская» «партии» в условиях, когда в самой Казани сложилось, судя по всему, определенное политическое равновесие и ни одна из «партий» не имела достаточно сил и влияния, чтобы без опоры на внешнюю поддержку одолеть своих оппонентов, неизбежно должны были искать поддержки извне. При этом поиск такой внешней опоры вовсе не означал, что та или иная «партия», ориентируясь на Москву, Бахчисарай (или ногаев – как вариант), была готова стать послушной марионеткой и проводником иноземного влияния в Казани. Нет, они стремились использовать внешнюю поддержку лишь как инструмент для достижения своих целей, и ни на йоту больше. Оказанная услуга – больше не услуга, отсюда и сетования крымских и русских источников на шатость и переменчивость казанцев.

¹⁴ См.: Виноградов А.В. Русско-крымские отношения в XVI в. // История крымских татар. Т. III. Крымское ханство (XV–XVIII вв.). Казань, 2021. С. 230.

Гирея Сахиб-Гирей I), и потому можно было не опасаться большой военной экспедиции русских. С другой стороны, в Казани принимали в расчет политическую нестабильность на русском политическом олимпе, которая как будто препятствовала проведению последовательного внешнеполитического курса. В итоге выгоды новой внешнеполитической программы, казалось, перекрывали возможные его негативные последствия. Казанская «партия войны» решила рискнуть и пойти на обострение отношений с Москвой. «Партия мира», «староказанцы», очевидно, не могли предложить эффективную, а главное, эффектную альтернативу предложенному «младоказанской» «партией» новому внешнеполитическому курсу. В итоге политику в отношениях с Москвой теперь определяли Сафа-Гирей и его сторонники.

Развязанная Сафа-Гиреем и «младоказанцами» «малая» война на русско-казанском пограничье надолго стала еще одним предметом головной боли у московских бояр, управлявших государством за малолетством Ивана IV, и в определенной степени способствовала постепенному смещению фокуса внимания московского правительства с западного, литовского, направления на восточное, казанское и, в перспективе, крымское. И здесь самое время вспомнить о достаточно широко распространенной в отечественной (и не только в ней) историографии точке зрения относительно складывания к середине XVI в. (или несколько позднее – тут мнения сторонников такого взгляда на эволюцию русской внешней политики начала царствования Ивана Грозного несколько расходятся) в сознании русской политической элиты двух внешнеполитических концепций. А.Л. Хорошкевич, поддерживая эту точку зрения (которая, как справедливо отмечал, к примеру, И.В. Курукин, восходит к сочинениям князя А.М. Курбского и самого Ивана Грозного)¹⁵, писала по этому поводу, что первая, «боярская», концепция предполагала решение крымского и казанского вопроса. Вторая же, царская, заключалась, по ее мнению, в том, что «Иван IV требовал от подданных рвения в служении себе, в том числе и в ратных делах» (не поясняя, правда, в каких именно и против каких «государских недругов»)¹⁶. Какова была программа Ивана – об этом писали другие историки, например А.А. Зимин. Он полагал, что царь был сторонником экспансии на западном направлении, прежде всего ливонском¹⁷.

Однако далеко не все историки приняли такую точку зрения, слишком прямолинейную и не учитывающую тонкие нюансы внешнеполитических отношений в треугольнике Москва—Вильно—Бахчисарай. Так, Б.Н. Флоря еще в 1979 г. писал о том, что «в настоящее время никто из советских исследователей... не разделяет общепринятого когда-то тезиса о наличии у русских политиков середины XVI в. двух противоположных внешнеполитических концепций (южной и западной), за которыми стояли различные социальные силы»¹⁸. В самом деле, если отвлечься от литературной первоосновы теории о наличии двух внешнеполитических «линий» и взглянуть на факты непредвзятым взглядом, то окажется, что, собственно говоря, особого выбора перед московскими боярами, которые де-факто определяли цели и задачи внешней политики Русского государства в годы малолетства и юности Ивана IV, и не было. Здесь, кстати, необходимо еще раз подчеркнуть – по нашему глубокому убеждению, молодого государя долгое время никто всерьез не готовил к самостоятельному управлению страной и тем более к активному участию в такой сложной и требующей немалой практической сметки, знаний и опыта, не говоря уже об интуиции, сфере государственной деятельности, как внешняя политика. По этой причине, по большому счету, за все успехи и просчеты во внешней политике Русского государства и в эпоху пресловутого «боярского правления», да и позже, несла ответ-

¹⁵ См.: Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 123.

¹⁶ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 79, 84.

¹⁷ См.: Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социальноэкономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960. С. 471–472, 473.

¹⁸ Флоря Б.Н. Проект антитурецкой коалиции середины XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 76.

ственность в первую очередь русская политическая элита, подсказывавшая юному и неопытному государю те или иные шаги во внешнеполитической сфере.

Но вернемся к проблеме выбора. С того самого момента, когда русско-крымский союз, позволивший Ивану III успешно завершить процесс собирания земель и перейти к экспансии на западном направлении, перестал функционировать, растущая холодность в русско-крымских отношениях не могла не заставить московское правительство самым серьезным образом ответить на крымский вызов. В конце концов, с тех пор, как Иван III отодвинул западные рубежи Русского государства под Смоленск (а его сын Василий III сумел взять этот город), Литва не могла создать реальной угрозы Москве. А вот крымские татары, как показал опыт 1521 г., – вполне, поскольку от Оки под Серпуховом до Москвы было всего лишь 2–3 конных перехода, и ошибка, допущенная в развертывании русских полков на «берегу», могла обойтись очень дорого.

Одним словом, не разрешив более или менее удовлетворительно «татарский» вопрос, думать о возобновлении экспансии на западном направлении и о возвращении если не всего, то большей части пресловутого «Ярославова наследия» было невозможно. Войну на два фронта (а то и три, поскольку, утратив контроль над Казанью, Москва могла ожидать удара и с этой стороны) Русское государство потянуть не могло – для этого у него не было ни людских, ни материальных, ни финансовоэкономических условий. Так что у бояр, а затем и у самого Ивана Грозного выбор был между плохим и очень плохим – война и с Литвой, и с Крымом была неизбежна. Вопрос стоял только в том, когда, в какой очередности Вильно и Бахчисарай перейдут от войны холодной в отношениях с Москвой к войне горячей и удастся ли не допустить их соединенного выступления?

Казань в этих внешнеполитических раскладах была наименее прочным звеном в потенциальном антимосковском альянсе. Выбить ее из этой цепи было намного (как казалось по первости) проще, нежели Вильно или Бахчисарай. Разрешив же в благоприятном для себя ключе казанский вопрос, можно было вернуться к вопросам крымскому или литовскому – какой из них на тот момент окажется более актуальным. Поэтому выбор Казани как мишени для первого удара восстанавливающей силы после долгой внутренней смуты России был если и не ожидаем, то наиболее вероятен, тем более что сценарий подчинения этого татарского юрта был более или менее отработан при Иване III и Василии III и знаком московским боярам. Нужно было лишь подкорректировать его применительно к изменившимся с тех пор условиям.

Однако перейти к активным действиям на казанском направлении московскому правительству удалось далеко не сразу. «Дворские бури», ставшие обыденностью для московской политической жизни конца 30-х – начала 40-х гг. XVI в., отнюдь не способствовали организации надежной обороны казанской «украины» и отпора регулярно набегавшим на пограничье казанцам. Кроме того, в русско-казанские отношения властно вмешался крымский «царь» Сахиб-Гирей, для которого воцарение в Казани племянника было на руку, ибо тем самым приближалось исполнение хрустальной мечты дома Гиреев – возрождение Золотой Орды под крымской эгидой.

В результате намечавшаяся весной 1538 г. большая военная экспедиция против Казани не состоялась, равно как и готовившийся весной 1541 г. поход (набег?) на казанцев. Собравшаяся тогда было во Владимире 3-полковая судовая рать во главе с князем И.В. Шуйским вместе с небольшой конной ратью под началом князя И.А. Булгакова Куракина со товарищи должна была «по казанским вестям» идти в Нижний Новгород, но из-за вторжения Сахиб-Гирея эта экспедиция была отменена (представляется, однако, что это предприятие должно было все же носить сугубо оборонительный характер, будучи подготовленным на тот случай, если вдруг Сафа-Гирей попытается использовать вторжение своего дяди для организации набега на госу-

дареву «казанскую» «украину» по образцу 1521 г.)¹⁹. Последовавшее за этим «стояние» во Владимире князя И.В. Шуйского с большой 5-полковой ратью закончилось, как мы уже знаем, дворцовым переворотом, так что даже если это войско и собиралось идти на Казань²⁰, то и этот поход не был осуществлен. Отменен был, вероятно по причине продолжающейся борьбы за власть среди московского боярства, и сентябрьский 1542 г. поход русских ратей на «казанские места» из Муром и Галича²¹.

Сафа-Гирей же, чувствовавший себя на казанском столе вполне уверенно, и после 1541 г. продолжал гнуть свою линию в отношениях с Москвой. Несмотря на неудачу «многошумящего» похода его дяди на русскую столицу, Сафа-Гирей продолжил «малую» войну на русско-казанском пограничье. И сам казанский «царь» во главе своего двора, и казанские «князья» и черемисские старшины со своими людьми раз за разом совершали рейды на приграничные русские уезды, порой проникая далеко вглубь Русской земли. Главными объектами военной активности казанцев, если судить по летописным записям, стали Нижний Новгород и в особенности Муром с уездами. Под ударом оказывались периодически юго-восточные и восточные волости Владимирского уезда, окрестности Галича и даже Устюга²². Больше того, московская пассивность в деле организации отпора казанской «малой» войне только ободряла Сафа-Гирея и «младоказанцев» и как будто намекала на правильность выбранной стратегии. Складывается впечатление, что по очкам Сафа-Гирей явно переигрывал московских бояр, и это вселяло и в «царя», и в «младоказанцев» надежды на то, что их план в конце концов сработает – нужно только усилить военное давление на Москву. Они, судя по всему, всерьез рассчитывали со временем «дожать» московских бояр и продиктовать им свои условия мира. При этом, активизируя «малую» войну, Сафа-Гирей и его «партия» время от времени предпринимали зондаж на предмет заключения такого соглашения с русскими, которое устраивало бы «младоказанскую» «партию» и самого казанского «царя». Сложилась даже своего рода традиция чередования набегов и дипломатического зондажа – согласно сообщениям русских источников, «неодиново Казанцы так делают: зиме подуруют, а к весне бьют челом»²³.

Однако, завороченные открывающимися перспективами, Сафа-Гирей и «младоказанцы» не обратили внимания (или сделали вид, что не заметили) на категоричность позиции Москвы. Московские бояре, не обращая внимания на регулярные набеги казанцев, раз за разом отвечали на выдвигаемые Сафа-Гиреем и его советниками требования поминков отказом: «А в прежних летах того не бывало, чтобы поминки казанскому царю посылавали прежние государи великие князи»²⁴. Не собирались они и проявлять инициативу в отправке «больших» послов и первыми просить «царя» о мире, поскольку это означало бы признание ими своего поражения и приниженного положения по отношению к казанскому хану.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. М., 1977. С. 294, 295.

²⁰ Полковую роспись см., например: Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 103.

²¹ См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. С. 303–304.

²² См., например: *Куницевиц Г.З.* История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905. С. 311; Никаноровская летопись. Приложение 1 // ПСРЛ. Т. XXVII. М., 2007. С. 142; Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 181; Русский Хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. М., 2005. С. 525; *Спицын А.А.* Свод летописных известий о Вятском крае // Календарь Вятской губернии на 1884 год Вятка, 1883. С. 177; *Титов А.А.* Летопись Великоустюжская. М., 1889. С. 47.

²³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560) // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 54.

²⁴ Цит. по: История татар. Т. IV. Казань, 2014. С. 314–315. Справедливости ради отметим, что после поражения в 1445 г. под Суздаlem плененный татарскими царевичами, сыновьями бывшего хана Золотой Орды и будущего основателя Казанского ханства Улу-Мухаммеда великий князь Василий II обещал хану в обмен за свою свободу богатый «окуп», и, похоже, этим его обещания не ограничивались (см., например: *Зимин А.А.* Витязь на распутье. М., 1991. С. 106–107, 111, 118). И поскольку и потомки Улу-Мухаммеда, правившие в Казани до 1518 г., и крымские Гирей были дальними родственниками (к тому же Улу-Мухаммед одно время владел Крымом), то Сафа-Гирей формально имел некоторые основания претендовать на политическое наследие Улу-Мухаммеда.

Почему московские бояре не только упорно отказывались принимать требования казанского «царя», но при этом сами от имени своего государя «на казанские места воевод своих не посылавали»?²⁵ Безусловно, свою роль здесь сыграли и внешнеполитические обстоятельства (хотя поход Сахиб-Гирея на русскую столицу и завершился крахом, не брать в расчет крымский фактор в русско-казанских отношениях было бы большой и серьезной ошибкой), и политические неурядицы в Москве. Однако, на наш взгляд, московскому долготерпению можно подыскать и еще одно объяснение – несколько парадоксальное на первый взгляд. Казалось бы, когда русский книжник (правда, *post factum*) рисовал едва ли не апокалиптическую картину казанского разорения и ставил казанского «царя» даже хуже Батыея (последний, по его словам, «единою Рускую землю прошел и, яко молнина стрела и яко темная главня, попаля и пожигая и грады разрушая, пленяще христьянство, мечем губя», тогда как казанцы и черемиса «не так губяше Русь, всегда из земли Руския не изхождаху: овогда с царем своим, овогда же воеводами воюющее Русь, посекаяюще, аки сады, Руские люди и кровь их, аки воду, проливающе»)²⁶, то как ему, современнику и очевидцу тех событий, не поверить? Но вот характерный, – в набеге татар на Устюг в 1542 г. приняло участие, если верить летописцу, 4000 татар и черемисов. И чего же добилось это внушительное по тем временам воинство? Летопись сообщает, что неприятели спалили две церкви и 73 дома в слободе Дымкове под Устюгом²⁷.

Согласимся с тем, что для 4-тысячного отряда налетчиков назвать такой успех значимым было бы несколько преждевременно и, очевидно, численность неприятельского загона стоит сильно урезать. Но если набег отряда, насчитывавшего несколько сотен всадников, попал в летопись как серьезное по последствиям событие, то, следовательно, остальные были меньшего масштаба. Соответственно, разрушения, наносимые действиями этих малых групп (той же ветлужской и кокшайской черемисы, которая «живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиною питаются и живут аки дикии»)²⁸, отнюдь не носили апокалиптического характера и не требовали организации масштабного и дорогостоящего удара возмездия. С ними худо-бедно справлялись местные *warlord*'ы и сообщества – как это было, к примеру, в том же 1542 г., когда разоривших Дымковскую слободу татар и черемисов разбили под Котельничем вятчане; или зимой 1544/45 г. Тогда повоевавших вотчины князей Пожарских на Владимирщине «князей» Чуру Нарыкова и Омонака наголову побили гороховецкие мужики, причем сам Омонак был взят в плен. Во всяком случае, в переписке между московским и виленским дворами в годы детства и юности Ивана IV рефреном, раз за разом, повторялся один и тот же тезис – на порубежье, там, где «государя нашего земля сошлася с Казанскою землею, Мордва и Черемиса; и Черемиса с Мордвою с рубежа промеж себя бранят и грабят; великого князя Мордва у них поимут, а Черемиса у Мордвы емлют»²⁹. Выходит, что некая критическая масса, которая переполнила бы чашу московского терпения, все никак не набралась, и предпринимать масштабную, дорогостоящую и к тому же могущую завершиться столь же масштабной неудачей военную экспедицию на Казань не стоило. Заметим, что подобная ситуация – «ни мира, ни войны» – в это время имела место и на русско-литовском пограничье, но эти взаимные «зацепки» и «обида» не вели к немедленному объявлению войны.

Сдержанность Москвы в отношениях с Казанью категорически не устраивала Сафа-Гирея и «младоказанцев» – подвижек с ее стороны в нужном им направлении не было. Условия, выдвигавшиеся сторонами, были взаимоисключающими, компромисс был невозможен в принципе, и продолжение войны оказывалось неизбежным – коса нашла на камень, ситуация

²⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560). С. 54.

²⁶ История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. Т. XIX. М., 2000. Стб. 44, 46–47.

²⁷ Титов А.А. Летопись Великоустюжская. С. 47.

²⁸ История о Казанском царстве... Стб. 60.

²⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560). С. 26, 40, 54, 117, 136, 180.

чем дальше, тем больше заходила в тупик. Отказаться от требований поминок, равно как и от продолжения набегов Сафа-Гирей не мог – взяв власть в ханстве саблей, хан удерживал ее саблей же, и, чтобы сохранить лояльность казанской элиты, он должен был удовлетворять ее растущие аппетиты или за счет регулярных «поминков» со стороны Москвы, или продолжая набеги, что позволяло «канализировать» энергию и недовольство казанских «князей» и мурз вовне. В противном случае можно было ожидать возобновления распрей внутри казанской элиты со всеми вытекающими отсюда последствиями для самого «царя».

Такое положение дел не могло продолжаться долго. Рано или поздно, как показывал опыт русско-казанских сношений, Москва должна была ударить кулаком по столу, и Сафа-Гирей оставалось только повышать ставки в расчете на то, что воля московских бояр сломается раньше, чем они будут готовы решиться на организацию большого похода на Казань. Пока же, в ожидании смягчения московской позиции, ему оставалось только делать хорошую мину при плохой игре, сообщая польскому королю и великому князю Литовскому Сигизмунду I Старому, что-де «князь великий Московский присылал до нас послов и гонцов своих, просячи и ждаючи мене, а быху з ним валки не мел и мир быху з ним принял». Однако, продолжал далее гордый «царь», он «того не хотел и миру з ним не принял»³⁰.

Гром грянул раньше, чем ожидал Сафа-Гирей. В апреле 1545 г. «послал князь великий воевод своих князя Семена Ивановича Микулинского Пункова с таварыщи х Казани **лехким делом в струзах** (выделено нами. – В. П.)». Рать князя Микулинского была усилена вятской силой под началом князя В.С. Серебряного с товарищами³¹. Войско это было небольшим – около тысячи ратных людей великого князя и примерно вполтину меньше вятчан (под Микулинским «ходили» трое воевод, а товарищем князя Серебряного был вятский наместник князь Ю.Г. Мещерский)³², так что этот набег явно носил разведывательный характер.

Набег князя Микулинского неожиданно увенчался громким успехом. В Казани за последние годы привыкли к тому, что русские только обороняются, и только в своих пределах, а какихлибо военных экспедиций к самому сердцу Казанского «царства» из-за сотрясающих московский двор «дворских бурь» они предпринять не в силах, а тут оказалось, что в «малую» войну можно играть и вдвоем. Стремительный рейд русской судовой рати для казанцев стал полной неожиданностью. Соединившись под татарской столицей на Пятидесятницу (которая в 1545 г. пришлась на 10 мая) с прошедшей огнем и мечом по казанским владениям вдоль Камы вятской «силой», государевы ратные люди и вятчане «изгоном» атаковали казанцев, не подозревавших о надвигающейся опасности, «людеи Казанских многих побили и кабаки царевы пожгли»³³. Если верить автору «Казанской истории», то русские за малым делом не взяли в полон самого «царя», который на момент нападения находился за городом и развлекался соколиной и псовой охотой³⁴.

Однако не только и не столько материальный ущерб и потери убитыми и плененными стали результатом этой экспедиции – намного более важным ее следствием стало то, что после отхода русских «начаша рознь быти в Казани, царя почял на князеи неверку держати: „Вы, де, приводили воевод великого князя“, и учял их убивати»³⁵. Неожиданный русский набег показал казанской элите, что у Москвы длинные руки и что дорогу к Казани там не забыли. Сафа-Гирей оказался в двусмысленном положении – вся его стратегия строилась на том, что иници-

³⁰ Мустафина Д. Послание казанского хана // Гасырлыр Авазы – Эхо веков. 1997. № 1–2. Электронный ресурс. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20120314092031/http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/1997_1_2/02/ (Дата обращения: 15.04.2023 г.).

³¹ Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // ПСРЛ. Т. XXIX. М., 2009. С. 46.

³² См., например: Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. II. С. 316–317.

³³ Летописец начала царства... С. 46.

³⁴ История о Казанском царстве... Стб. 58.

³⁵ Летописец начала царства... С. 46.

ативой владеет он и ответного хода с русской стороны не будет. Теперь же оказалось, что это не так, и, больше того, сам казанский «царь» оказался не готов к такому развитию событий и не сумел отразить вторжение неверных. В результате противоречия между «старо»– и «младоказанской» «партиями», приглашенные как будто успешными (в прошлом) действиями Сафа-Гирея, немедля всплыли наверх. Хан попытался прибегнуть к репрессиям, но этим только усугубил свое и «младоказанцев» положение. Трон под Сафа-Гиреем зашатался.

29 июля 1545 г. в Москву приехал из Казани сын боярский галичанин Василий Борте-нев с грамотой от казанских «князей» Чюры Нарыкова и Кадыша. В этом письме татарские аристократы предлагали Ивану IV (а точнее, его боярам), чтобы он «послал х Казани рать, а они царя и трицати человек Крымских выдадут, которые у них с царем в городе»³⁶. И похоже, московские бояре приняли предложение казанских «князей». Осенью 1545 г. московское правительство приступило к подготовке масштабной военной экспедиции против басурман, о чем свидетельствует, к примеру, присланная в Новгород грамота о наборе для казанского похода конных и пеших пищальников³⁷. Думные чины решили возобновить традицию разрешения казанского вопроса, заложенную при Иване III и Василии III³⁸.

Однако походу на Казань по весне 1546 г. не суждено было состояться, и на то были веские причины. Скрыть масштабные военные приготовления было сложно, и известия о том, что в Москве готовятся к большому походу против Казани, ускорили созревание «комплота» против Сафа-Гирея. Не дожидаясь, пока московские бояре, действуя от имени малолетнего Ивана IV, решатся наконец поддержать «староказанцев» и двинут московские полки на Казань, противники Сафа-Гирея решили взять свою судьбу в собственные руки. В начале 1546 г. в Казани произошел очередной дворцовый переворот. Сафа-Гирей бежал из города с семьей и немногими уцелевшими из его свиты, а казанские «лутчие люди» во главе с влиятельнейшими «князьями» Кадышем и Нарыковым прислали Ивану IV гонца с грамотой. В ней они сообщали о произошедших в городе событиях и просили, «чтобы их государь пожаловал, гнев свои Казанской земле отложил и пожаловал бы их, дал им на Казань Шигалея царя, и послал бы в Казань своего сына боярского привести сеита и уланов и князей и всю землю Казанскую к правде»³⁹.

Казалось, казанский кризис разрешился во вполне благоприятном для Москвы ключе. Сафа-Гирей бежал, а на его место казанцы просили уже бывшего в 1519–1521 гг. их ханом касимовского «царя» Шах-Али (Шигалея). «Свой» казанский «царь» – разве не на это рассчитывали все эти годы в Москве? Само собой, эта идея была поддержана. После коротких переговоров 7 апреля 1546 г. Шах-Али отправился со своим двором и русским эскортом во главе с князьями Д.Ф. Бельским и Д.Ф. Палецким, которые должны были «посадить» касимовского «царя» на казанский стол (между прочим, тот факт, что Шах-Али сопровождал не кто-нибудь, а именно князь Д.Ф. Бельский, знатнейший аристократ и родственник Ивана IV, сам по себе говорил о том значении, которое придавали в Москве этой миссии). 13 июня того же года состоялась торжественная церемония «интронизации» Шах-Али⁴⁰.

Однако московское торжество продолжалось недолго. Шах-Али не пользовался популярностью среди казанских «лутчих людей», да и сами русские относились к нему с презрением. Имперский дипломат С. Герберштейн так характеризовал касимовского «царя»: «Глубокая ненависть, которую испытывали к нему подданные, усугублялась его безобразным хилым телосложением: у него было огромное брюхо, редкая борода и женоподобное лицо – свидетельство

³⁶ Там же. С. 47.

³⁷ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. I. СПб., 1836. С. 184.

³⁸ См., например: *Смирнов И.Д.* Восточная политика Василия III // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 62–66.

³⁹ Там же. С. 47–48.

⁴⁰ Там же. С. 48.

того, что он совершенно не способен воевать...»⁴¹ Русский же книжник добавлял «красок» к этому непривлекательному «портрету» очередного казанского «царя», с едва скрываемым пренебрежением сообщая своим читателям, что Шигалей «велие тело имяше и не могли скоро на конех ездити; разумичен же царь преизлише, но нехрабр сый на ратех и дружине своей неподатлив...»⁴².

Судя по всему, кандидатуру Шах-Али продавил, пользуясь своим политическим весом, «князь» Чюра Нарыков. Татарский аристократ, видимо, рассчитывал таким образом не допустить большой войны с Москвой⁴³, а заодно и управлять Казанью из-за спины нового «царя». Однако влияния «князя» оказалось в конечном итоге недостаточно для того, чтобы стабилизировать политическую ситуацию в городе. Пробыв на казанском «столе» месяц, Шах-Али не выдержал напряжения и бежал из Казани, напоследок казнив два десятка своих противников и прихватив с собой еще восьмерых, закованных в цепи.

Бегство Шах-Али привело к волнениям и погромам в Казани, в ходе которых пострадали в первую очередь сторонники замирения с Москвой. Сам «князь» Нарыков, пытавшийся покинуть город и отъехать в Москву, был перехвачен по дороге и убит. Оставшись без царя в голове, казанцы вновь оказались перед дилеммой – кого пригласить на ставший внезапно вакантным трон. Как писал русский книжник, они «не ведаху, откуда добыти царя себе, не хотя же от Казанских цареи, ни единого же знаемых поставити себе царя; ови же хотяше в Крым посылати по царевича какого, ови же за Турского заложитися хотяше, да брежет их и пришлет им своего царя; ови же заложитися хотяше за Московского царя, но боятся отмщения от него о старом преступлении; ови же старого согнанного царя Сапкирея из Нагаи – призвати его»⁴⁴.

Сафа-Гирей, у которого оставалось в Казани немало доброхотов, сориентировался в ситуации быстрее других. После неудачной попытки опереться на астраханскую помощь в возвращении казанского стола он обрелся в Ногайской Орде, у своего тестя, нурадина Юсуфа (дочь Юсуфа Сююмбике в свое время была выдана замуж за Джан-Али, а после его смерти попала в гарем Сафа-Гирея). Юсуф был настроен по отношению к Сафа-Гирею враждебно, однако бывший «царь» сумел выкрутиться. С одной стороны, негоже убивать своего тестя, пусть и непутевого, а с другой – Сафа-Гирей наобещал Юсуфу и его мирзам золотые горы. Сам Юсуф писал потом Ивану IV, что бывший казанский «царь» явился к нему и предложил ему послать с ним на Казань «сына своего да и рать свою мне пожалуй: дай. По твоему деи жалованью только Казань возьму, и яз деи в твоей воле учиню». При этом Сафа-Гирей клятвенно пообещал Юсуфу, что по взятии своей столицы он не будет заниматься репрессиями: «убью деи человека или дву, а боле деи того не убью. А опричь деи того, никому никоторого убытка не учиню»⁴⁵. Дети Юсуфа, Юнус и Али, дополнили слова своего отца. По их словам, Сафа-Гирей говорил их отцу, что «в Казани деи тех людей много, которые нас хотят, только деи с Мангытскою силою поиду, и они деи меня возмут». А как только я снова сяду на казанском столе, продолжал свои речи Сафа-Гирей, так сразу «яз деи Юсуфу князю да и вам дам Горную сторону, да и Арскую. А жон деи и детей своих у вас возмем на окуп». И на том, завершали свое письмо Ивану Юсуфовичи, «нам Сафагирей Царь в головах и все Крымцы рота и правду дали»⁴⁶.

Против таких щедрых предложений Юсуф не устоял, тем более что договор, заключенный между ним и Сафа-Гиреем, включал еще и обещание казанского «царя» после возвращения ему престола дать Юнусу «мангытские доходы» и место «первого министра»-беклербека и

⁴¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. М., 2008. С. 413.

⁴² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 187.

⁴³ История о Казанском царстве... Стб. 54.

⁴⁴ Там же. Стб. 50.

⁴⁵ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 293.

⁴⁶ Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб., 1793. С. 272.

верховного военачальника («на мангытском месте Князем»), которое по традиции принадлежало потомкам могущественного Едигея (к которым относился и Юсуф, и его дети)⁴⁷.

С ногайским войском и с Юсуфовичами Сафа-Гирей вернул себе «царское» седалище. Правда, не все прошло гладко – казанцы далеко не сразу признали его своим «царем». Юнус и Али отписывали Ивану IV, что Сафа-Гирей восемь дней приступал к городу и без особого результата, вопреки его обещаниям, из города «добрые к нам Казанские люди не приехали, приехали к нам худые люди»⁴⁸. Однако отсутствие твердой власти и раздоры среди казанской элиты в конечном итоге решили исход противостояния – ворота Казани открылись, и Сафа-Гирей со своими ногайскими союзниками въехал в город. Не все татарские «князья» были довольны таким исходом дела – один из них, Хосров, даже попробовал было изгнать Сафа-Гирея, но был разбит ногаями и бежал⁴⁹.

Появление еще одного «игрока» на казанской «шахматной доске» не было случайным. Ногайский фактор во внутриказанской политической жизни присутствовал как минимум с 80-х гг. XV в., когда в борьбе за власть в Казани столкнулись два брата, Али и Мухаммед-Эмин, и если «партию», поддерживавшую первого претендента, можно было назвать «проногайской», то второй опирался на «партию» «промосковскую»⁵⁰. Участвуя в казанской интриге, Едигеевичи исходили из того, что казанский «юрт не их – магметкиреев (Мухаммед-Гирея I, крымского «царя». – В. П.) царев юрт был, обеим нам поровну было»⁵¹. И, вмешиваясь во внутриказанские разборки, ногайские бии и мирзы преследовали вполне прагматичные цели – если не через посажение «своего» «царя» на казанском седалище, то через установление прочных брачно-семейных отношений добиться закрепления поста казанского беклербека за потомками Едигея. Результатом этого должно было стать регулярное получение соответствующих не столько политических, сколько вполне осязаемых финансовых и материальных выгод (хотя бы и через выплату причитавшихся беклербеку «взимков»).

Однако не только желание заполучить вожделенный пост беклербека двигало, судя по всему, Юсуфом и его старшим братом, бием Шейх-Мамаем. Интрига вокруг Казани разворачивалась на фоне не менее занимательных интриг в Степи. Сахиб-Гирей I, хотя и потерпел обидную неудачу на Оке в 1541 г., от своих имперских планов отказываться намерен не был, и пребывание в Казани племянника вполне отвечало его интересам. И похоже, что возвращение Сафа-Гирея состоялось не без участия, хотя и непрямого, «царственного» дяди.

Бурными весна и лето 1546 г. выдались не только в Казани, но и в Астрахани, и астраханская интрига оказалась тесно связана с казанской. Выше мы уже отмечали, что Сафа-Гирей сперва попробовал опереться на помощь астраханского «царя» Ак-Кубека (в свое время сумевшего утвердиться на астраханском царском седалище при поддержке ногаев)⁵², который дал ему несколько сот своих воинов. Воспользовавшись этим, другой Чингизид, Ямгурчи, который, по словам влиятельного ногайского мирзы Белек-Пулада, главы клана Кошумовичей, с черкесами «в свойстве учинился». Новые родственники, продолжал мирза, «ему (Ямгурчи. – В. П.) братство учинили, юрт его, взяв, дали» – царевич «изгоном» обрушился на Астрахань и вынудил Ак-Кубека бежать⁵³.

⁴⁷ Там же. С. 274.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 163.

⁵⁰ См., например: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2002. С. 135–136.

⁵¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 105.

⁵² *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. М., 2006. С. 141. См. также: *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М., 1990. С. 109; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 221.

⁵³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). С. 80.

Итак. Ямгурчи захватил власть в Астрахани⁵⁴, однако горячие горские джигиты при взятии города изрядно накуролесили и пограбили купцов, которые ехали из Казани в Крым⁵⁵. Их жалобу на грабежи и насилия со стороны нового астраханского «царя» Сахиб-Гирей использовал как предлог для организации похода на Астрахань. Упустить такую возможность наложить свою руку на нее он не мог, если только он не планировал совершить поход на нее и раньше (слишком быстрой была его реакция на известия из Астрахани). Во всяком случае, СафаГирей был дружен с прежним астраханским «царем», Абд арРахманом, а вот насчет «дружбы» Ак-Кубека с казанским «царем» есть сомнения, и отправку астраханцем своего войска с казанцем можно трактовать как попытку Ак-Кубека избежать нападения со стороны могущественного крымского «царя».

Поход Сахиб-Гирея был успешен, Астрахань пала, и хотя сам «царь» решил в ней не оставаться, тем не менее, судя по всему, эффект от его экспедиции произвел внушительное впечатление на ногаев. Позднее, сообщая Ивану IV о своем астраханском походе, Сахиб-Гирей писал, что «коли есмя Астрахан взяли, ино нагайские князи Ших-Мамай князь в головах и все мирзы нам послушны учинились: кого мы велим им воевати и им того воевати»⁵⁶. Так что, похоже, особого выбора у Юсуфа не было, не дать войско Сафа-Гирею он не мог.

Но не только ногаев впечатлили решительные действия Сахиб-Гирея. Масштабная мобилизация в Крыму (о которой красочно рассказывает придворный хронист Сахиб-Гирея Реммалходжа)⁵⁷ вызвала нешуточные опасения в Москве. По весне в русскую столицу пришли вести, что Сахиб-Гирей собирается с ратью на государеву «украину», и быть ему вскорости к Коломне. Угроза крымского нашествия вынудила московских бояр бросить все силы на оборону «берега», так что Иван 6 мая отъехал из Москвы в Николо-Угрешский монастырь, из которого он отправился затем под Коломну, где под Голутвиным монастырем был разбит полевой лагерь русского войска, выступившего в апреле на «берег» для отражения предполагаемого вторжения крымцев⁵⁸.

Под Коломной Иван со своим двором простоял до конца лета⁵⁹, и обстановка в русском лагере была крайне нервной. Намерения Сахиб-Гирея были неясны, из Казани поступали вести одна хуже другой, а тут еще челобитье новгородских пищальников, которое привело к кровавому столкновению челобитчиков с дворянами из окружения великого князя. Стоит ли после всего этого удивляться тому, что розыск, проведенный по этому казусу, привел к тому, что голов лишились сразу три князя – Иван Кубенский, Федор да Василий Воронцовы?

Одним словом, вызванный угрозой крымского вторжения **«поход большой** великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на свое дело **впервые** на Коломну (выделено нами. – В.

⁵⁴ См., например: *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. С. 136–140; *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа... С. 108–109.

⁵⁵ См., например: *Кырыми Абдулгаффар.* Умдет ал-Ахбар. Кн. 2. Казань, 2018. С. 96–97.

⁵⁶ Цит. по: *Зайцев И.В.* Астраханское ханство. С. 140. В.В. Трепавлов полагал (вслед за Е.Н. Кушевой), что эти слова крымского «царя» были не более чем похвальбой (*Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // Исторические записки. М., 1950. Вып. 34. С. 242; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 232). Однако вряд ли Сахиб-Гирей, хорошо осведомленный о том, что происходит в Ногайской Орде и что Москве известно о расстановке сил там не меньше, чем ему, стал бы так подставляться. На наш взгляд, Шейх-Мамай и его окружение, получив известие о взятии Астрахани Сахиб-Гиреем, были ошеломлены и, не зная о дальнейших планах крымского «царя», поспешили изъявить ему свою лояльность, благо прецедент подобного рода уже имел место во времена МухаммедГирея I. Однако затем, увидев, что Сахиб-Гирей оставил Астрахань и не пытается развить свой успех (не исключено, что это было связано с тем, что султан истребовал помощь Сахиб-Гирея в походе против персов, да и сам астраханский поход Сахиб-Гирея можно рассматривать как часть стратегического замысла султана в ходе войны с персидским шахом Тахмаспом I. См.: *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. С. 239), Шейх-Мамай и его сродственники опомнились и попытались взять реванш за пережитый страх (о чем будет подробнее сказано дальше).

⁵⁷ *Абдулжамилев Р.Р.* Реммалъ Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Ч. 3 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 166–168.

⁵⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. С. 317–318.

⁵⁹ Летописец начала царства... С. 48.

П.)»⁶⁰ стал главной причиной, по которой Москва не смогла помешать Сафа-Гирею вернуть себе власть в Казани. Бояре Ивана IV, помнившие о недавнем приходе «царя» под Ростиславль, не стали рисковать, и войско, которое могло бы отбить под Казань, вместо этого простояло все лето на Оке. Когда же к осени кризис разрешился сам собой, в русской столице смогли перевести дух и подвести итоги бурных весны и лета.

Итоги же эти были неутешительны. Кризис 1546 г. показал, что Крым окончательно оправился от последствий своей «замятни» и в восточноевропейской «Большой игре» явно перехватил инициативу. Сафа-Гирей снова воссел на казанском «царском» седалище. При этом его возвращение сопровождалось масштабными репрессиями против казанской знати и фактическим разгромом «староказанской» «партии», остатки которой были вынуждены бежать – кто к ногаям, а кто в Москву⁶¹. Астрахань оказалась под контролем Сахиб-Гирея, положение в Ногайской Орде оставалось неясным, и можно было предполагать, что крымское влияние там может вырасти (и как будто к концу года это предположение подтвердилось). Казалось, что спустя немногим менее четверти века призрак Золотой Орды снова замаячил на горизонте – в Бахчисарае прекрасно понимали все значение Казани для реализации крымского имперского проекта. С установлением контроля за Казанью и Астраханью подчинить своему влиянию «самовольную» Ногайскую Орду представлялось для крымского «царя» и его мурз несложным делом.

Начинать борьбу за Казань Москве в сложившихся условиях приходилось с начала, причем в ситуации, существенно ухудшившейся против прежней. С разгромом Сафа-Гиреем «староказанской» «партии» возможности Москвы по политическому маневру на казанской «шахматной доске» оказались существенно ограничены. Без *ultima ratio regum* обойтись никак не получалось, и в русской столице вернулись к идее организации большого похода на Казань.

Окончательное решение пойти на Казань было принято, очевидно, между 18 августа (когда Иван вернулся в столицу из-под Коломны) и 15 сентября (когда юный великий князь отъехал в Троице-Сергиев монастырь) 1546 г. Поход должен был начаться весной 1547 г., и подготовка к нему велась с размахом, о чем косвенно свидетельствуют русские летописи (так, например, составитель Русского Хронографа отмечал, что «тое же зимы (т. е. 1546/47 гг. – В. П.) царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублев, и оттого крестьяном тегота была великая»)⁶².

Скрыть масштабные военные приготовления было невозможно, и, очевидно, слухи о готовящейся экспедиции достигли казанской «подрайской земли». 6 декабря 1546 г. в Москву явились посланцы от старшин горней черемисы с челобитьем Ивану IV, «чтобы государь пожаловал, послал рать на Казань, а они с воеводами служить государю хотят»⁶³. «Лутчие» черемисские люди явно не хотели оказаться на пути русской рати и попытались заранее поменять господина (В.Д. Дмитриев полагал также, что свою роль могло сыграть и обещание Сафа-Гирея передать Горную сторону под управление ногайским «князь ям»)⁶⁴. Практически одновременно в русскую столицу явились люди от казанского «князя» Кадыша с посланием, в котором говорилось, что «князь» и его «партия» «царя казанского Сафа-Кирея в городе в Казани осадили, только у него его людей 70 человек. И князь великий прислал бы к ним своих

⁶⁰ Разрядная книга 1475–1605. Т. I. Ч. II. С. 317.

⁶¹ См., например: Летописец начала царства... С. 49; Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб., 1793. С. 143–144. Н.В. Белов говорит, и не без оснований, даже о произошедшей в результате возвращения Сафа-Гирея «тотальной смене высшей управленческой элиты Казанского ханства» (Белов Н.В. Два переворота 1545/46 г. в Казани: к вопросу о конфигурации политических сил в первые годы Казанской войны // Золотоордынское обозрение. 2019. № 7 (2). С. 345).

⁶² Русский Хронограф. С. 527.

⁶³ Летописец начала царства... С. 49. Составитель Хронографа дополнял это известие тем, что в грамоте, присланной старшине горной черемисы, говорилось об их желании видеть на казанском столе Шах-Али (Русский Хронограф. С. 526).

⁶⁴ См.: Дмитриев В.Д. Чувашия в годы феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары, 1986. С. 34.

людей. А велит им князь велики поймав царя к себе прислати, и оне пришлют. А велит его в Казани убити, и они его убьют»⁶⁵.

Очевидно, не доверяя ни черемисе, ни казанцам, московские бояре, опасаясь к тому же вмешательства крымского «царя»⁶⁶, не стали бросаться очертя голову в казанский омут и на ходу менять свои планы – импровизация никогда не была их сильной стороной. Вместо этого бояре зимой «послали воевод Казанских мест воевати луговые стороны, к городу не ходити», так что князь А.Б. Горбатый и его «лейтенант» князь С.И. Микулинский, герой похода 1545 г., со товарищи, во главе 5-полковой рати огнем и мечом прошли по луговой стороне и повернули назад, не дойдя до Казани 30 верст⁶⁷.

Этот поход, как и экспедиция 1545 г., носил явно разведывательный характер, и за ней по весне 1547 г. должен был последовать большой поход судовой и конной ратей во главе с самим царем на Казань. Однако в наступившем 1547 г. полая вода быстро спала из-за рано наступившей жары, и экспедиция была отложена⁶⁸. Затем в Москве начались пожары, сопровождавшиеся волнениями (о чем мы писали в предыдущей книге), лето выдалось неурожайным⁶⁹, так что и Ивану, и боярам стало не до войны с Казанью. Только осенью 1547 г., когда ситуация в столице и в стране стабилизировалась, к вопросу об организации казанского похода снова вернулись.

Увы, задуманная с размахом военная экспедиция к Казани по воле переменчивой погоды не принесла желаемого успеха. Зима в том году выдалась на редкость теплая и бесснежная, так что Иван со своим двором, нарядом и обозом, выступив поход в декабре 1547 г., преодолевая большие трудности («наряд, пушки и пищали, попроводиша в Володимер после крещения си великою нуждею, понеже быша дожди многие, а снегов не было»)⁷⁰, к исходу первой декады февраля нового, 1548 г. миновал Нижний Новгород и застрял на острове Работка ниже по течению от города. Главные же силы русской рати так и не смогли добраться до места встречи с царем на месте впадения реки Большой Цивиль в Волгу, примерно в 120 верстах от Казани. «Прииде теплота велика и мокрота многая и весь лед покры вода на Волзе, и пушки и пищали многие проваляшеся в воду, многая бо вода речная на лед наступи, и никакоже по льду никому невозможно поступити, и многие люди в продушинах потопиша, занеже под водою продушин не знати»⁷¹. Иван был вынужден отказаться от продолжения похода и ограничиться отправкой к Казани части своего воинства во главе с «царем» Шах-Али и князем Д.Ф. Бельским с «лехим нарядом». 24 февраля государевы полки подступили к Казани, отразили вылазку, устроенную Сафа-Гиреем, после чего обложили город и неделю опустошали его окрестности⁷², а затем благополучно повернули назад – Сафа-Гирей не решился их преследовать.

Обрадованные русской неудачей казанцы поспешили показать, что они готовы к продолжению конфликта. Сперва в октябре 1548 г. «приходили Казанские люди на Галицкие места воевати многие люди, а больших у них был Арак-богатырь», а затем в марте 1549 г. под Муром пришел со своим «двором» в 140 (sic! Еще раз к вопросу о размахе и разрушительности казанских набегов на русское пограничье!) человек «князь» Мамазер. Правда, на этот раз удача явно изменила татарам – прежде «страшливые» московские воеводы стали действовать более

⁶⁵ Постниковский летописец // ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 28.

⁶⁶ По крайней мере, так можно истолковать свидетельство составителя Постниковского летописца, который указывал на то, что одной из причин поспешного возвращения Ивана IV в столицу были известия о намерении крымского хана совершить поход на государеву «украину» (см.: Постниковский летописец. С. 28).

⁶⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. С. 330; Русский Хронограф. С. 526.

⁶⁸ Русский Хронограф. С. 526.

⁶⁹ Там же. С. 527.

⁷⁰ Летописец начала царства... С. 55.

⁷¹ Там же.

⁷² Русский Хронограф. С. 528.

агрессивно и напористо, добиваясь успеха там, где их нерешительные предшественники терпели одну неудачу за другой. Оба татарских отряда были разбиты, а их предводители сложили свои головы на поле брани⁷³.

Несчастья казанцев на этом не завершились – в конце марта 1549 г. внезапно скончался Сафа-Гирей. Рассказывая о его смерти, составитель «Казанского летописца» не смог удержаться и не добавить в свой текст нравоучительные нотки. «Оле Божиих судеб! – восклицал он, – его же (Сафа-Гирея. – *В. П.*) меч и копие не уби – а многажды на ратех смертные раны возложившее нань», а тут у себя во дворце «тои же пьянь, лице свое и руце умывая, напрасно запенься ногами своиима и главою о умывалной теремец», упал и так «зле окаянньюю свою душу изверже»⁷⁴. Так нелепо и неожиданно для всех завершилась бурная жизнь крымского «царевича» и три жды казанского «царя».

⁷³ Летописец начала царства... С. 56; Русский Хронограф. С. 529.

⁷⁴ История о Казанском царстве... Стб. 293–294.

2. «Поворот на восток» и миссия Шлитте

Нежданная смерть Сафа-Гирея стала для Москвы подарком судьбы. К неугомонному казанскому «царю» можно относиться по-разному и так же по-разному характеризовать его качества как политика⁷⁵, но в одном не откажешь этому злейшему врагу Русского государства – в упорстве в достижении своих целей и в целеустремленности. Это был достойный, опасный и непримиримый противник, с которым невозможно было найти компромисс. Теперь же, когда казанский «царь» так внезапно сошел с политической сцены, ситуация в русско-казанских отношениях разом переменялась. После его смерти в Казани не нашлось равновеликой фигуры, столь же энергичной, харизматичной и авторитетной, способной где лаской, а где таской поддерживать хрупкий консенсус среди казанской элиты. Придавленные жестокими ханскими репрессиями разногласия среди казанских аристократов неизбежно должны были вспыхнуть снова, открывая тем самым для Москвы окно возможностей по активному вмешательству во внутриказанские политические разборки. И это вмешательство неизбежно должно было приобрести для Казани фатальные последствия, принимая во внимание ту серьезность, с которой в русской столице относились к решению казанской проблемы.

Эта серьезность не в последнюю очередь была обусловлена тем, что внешне- и внутриполитическое положение Москвы к этому времени оставалось достаточно сложным. На московском политическом олимпе после потрясений лета 1547 г. был достигнут определенный консенсус, символом которого стал упоминавшийся нами прежде так называемый «собор примирения» февраля 1549 г. Сам Иван, стремительно возмужавший и повзрослевший после московских пожаров и волнений, всерьез взялся за исполнение своих царских обязанностей, однако, как покажут дальнейшие события, бояре отнюдь не собирались придерживаться данных на «соборе примирения» обещаний – вражда и борьба за власть и влияние при дворе лишь приугасли и продолжали тлеть, ожидая момента, когда они смогут вырваться наружу. Кризис 1553 г., вызванный опасной болезнью царя, наглядно показал, насколько хрупок был этот консенсус. К этому добавлялась и сохраняющаяся социальная напряженность, обусловленная в первую очередь крайне переменчивой погодой⁷⁶, которая вела к регулярным недородам, хлебной дороговизне и вспыхивавшему то тут, то там мору. Государевы же подати и повинности никто не отменял – начавшаяся казанская война пожирала ресурсы с растущей жадностью.

Столь же неустойчивым было и внешнеполитическое положение. Венчание Ивана IV на царство в начале 1547 г., вне зависимости от того, кто был инициатором этого шага, сам Иван (что маловероятно по причине его молодости и неопытности в государственных делах), митрополит Макарий (а вот без его участия это деяние явно не обошлось!), князья Глинские или же старомосковское боярство, знаменовало собой весьма значимый шаг на пути упрочения авторитета государя всея Руси и самого Русского государства. В этом сходятся практически все историки, занимающиеся изучением эпохи Ивана Грозного. Так, А.Л. Хорошкевич отмечала, что «еще вчера равный по рангу великому князю Литовскому (бывшему одновременно и королем польским и потому стоявшему выше Ивана по статусу) внук Ивана III сделал мощный рывок, чтобы добраться до вершины пирамиды европейских государей»⁷⁷.

⁷⁵ На наш взгляд, Сафа-Гирей в политике был отменным тактиком, но никудышным стратегом, не способным играть «вдолгую», и то, как он умудрился рассориться с ногаями, которые после долгих колебаний поддержали его, служит ярким тому примером. Восстановив свою власть над Казанью, Сафа-Гирей не исполнил ни одного данного им обещания Юсуфу. Оскорбленный в лучших чувствах Юсуф, у которого к тому же Сафа-Гирей сумел выманить к себе его дочь, отправил по весне 1548 г. на Казань своего сына Юнуса с войском, однако Сафа-Гирею удалось нанести поражение Юнусу и побить многих его людей (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. С. 304, 318). Так что после такого афронта Юсуф стал врагом Сафа-Гирея, и казанский «царь» заполучил еще одного врага.

⁷⁶ Бараш С.И. История неурожаев и погоды в Европе. Л., 1989. С. 194–198.

⁷⁷ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 67. Ср., например: Скрынников

Столь решительный шаг Москвы, который нарушал сложившуюся политическую иерархию что в Европе, что в Азии, не мог не вызвать недовольства соседей. Ожидать быстрого признания нового статуса московского государя не стоило. Борьба за признание царского (читай – императорского!) титула Ивана IV и его преемников станет одной из важнейших задач русской дипломатии в последующие времена, причем эта борьба началась практически сразу же после венчания – немецкий авантюрист Г. Шлитте отправился к императору Карлу V в качестве эмиссара Ивана IV (о его загадочной миссии речь еще впереди), имея на руках среди прочих писем еще и послание о желательности признания за Иваном царского титула⁷⁸.

Однако большее значение для Москвы имело признание за Иваном нового титула со стороны ближайших ее соседей – Великого княжества Литовского, Крыма и Ногайской Орды. Особенно «обидным» «самовольное» возвышение Ивана IV было для ногайских биев и мирз. Еще со времен Золотой Орды в неписаной «табели о рангах» русские великие князья стояли на одной «ступеньке» с татарскими «великими князьями» – такими, как, например, знаменитый Мамай или его «преемник» Эдиге/Едигей. Для ногайских биев, потомков Едигея, и других мангытских «князей», рассеянных по татарским юртам, московские князья были точно такими же улусниками «царя», как и они сами, так что считаться «старшинством» с «московскими» для них было в порядке вещей. Так, к примеру, делал Темир, внук Едигея, беклербек Большой Орды, именовавший Ивана III своим «сыном», и его племянник Джанкувват, местничавший с Иваном III⁷⁹. Справедливым и законным полагали ногаи и требование с Москвы немалой части пресловутого ордынского «выхода» (а сумма эта была солидная – 40 тыс. алтын)⁸⁰. Потому стоит ли удивляться тому, что сменивший своего брата Шейх-Мамай на посту ногайского бия уже известный нам Юсуф, на словах подтвердив шерть, данную ногайскими послами Ивану от имени покойного, отказался шертовать сам. Больше того, принимая послов Ивана, он настаивал на выполнении ими процедур, принятых при крымском дворе⁸¹, тем самым де-факто заявив о своих претензиях на равный с крымскими «царями» статус. Нежелание Москвы идти на уступки в этом щекотливом для обеих сторон вопросе и возросшая русская активность на казанском направлении вызвали у Юсуфа растущее раздражение, которое чем дальше, тем больше прорывалось в недружественных его шагах по отношению к Ивану – вплоть до угрозы войны.

Однако в Москве нашли действенное противоядие против не в меру амбициозного ногайского бия. Его младший брат и соправитель-нурадин «князь» Исмаил, заинтересованный в развитии торговых и иных отношений с Русским государством (он писал своему старшему брату, что «твои деи люди ходят торговати в Бухару, а мои люди ходят к Москве. И толко мне завоеватца, и мне самому ходить нагу, а которые люди и учнут мерети, и тем саванов не будет»)⁸², был настроен по отношению к Москве более лояльно. И Москва сделала ставку на Исмаила. Всячески поддерживая его и оказывая ему не только знаки внимания, но и поощряя русско-ногайскую торговлю и в особенности поставки ногайскими коней в Россию (с 20-х гг. XVI в. ногаи стали главными поставщиками коней в России, а сообщениями о пригоне ими

Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 90–91.

⁷⁸ См., например: *Фрэнчер Р.* Об особенностях московской дипломатии середины XVI в.: новые источники о миссии Ганса Шлитте // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 3 (77). С. 94.

⁷⁹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою Ордами и с Турцией. Т. I (с 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России) // Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 74, 180; *Сыроечковский В.Е.* Мухаммед-Герай и его вассалы // *Ученые записки Московского ордена Ленина Гос. ун-та им. М.В. Ломоносова*. Вып. 61. История. Т. 2. М., 1940. С. 32.

⁸⁰ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 156.

⁸¹ См., например: *Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.)*. Казань, 2006. С. 53–54.

⁸² Продолжение Древней российской вивлиофики. Ч. IX. СПб., 1793. С. 103.

тысячных конских табунов на продажу пестрят страницы летописей и посольских книг)⁸³, она искусно раздувала мало-помалу пламя вражды между Юсуфом и Исмаилом.

Эта типично имперская политика *divide et impera* будет впоследствии иметь для Ногайской Орды самые негативные последствия, но об этом будет сказано подробнее дальше, а пока вернемся к отношениям в треугольнике Вильно—Москва—Бахчисарай. Прежде мы уже не раз писали о том, что в новой политической конфигурации, которая сложилась в начале XVI в. после распада Большой Орды, Крым и Литва сблизились, имея общего врага – Русское государство⁸⁴. Однако этот союз был непрочным, ибо крымский и литовский «братья» в нем преследовали в первую очередь свои собственные интересы, рассчитывая использовать «партнера» против Москвы, а самим остаться в стороне. Москва же, зная об этих противоречиях и опираясь на своих «доброхотов» при виленском и бахчисарайском дворах, более или менее успешно противостояла рыхлому крымско-литовскому альянсу, не допуская его перерастания в тесный военно-политический союз. При этом ее отношения и с Вильно, и с Бахчисараем оставались напряженными и далекими от добрососедских. По существу, можно вести речь о «холодной» войне, которая чем дальше, тем больше грозила перерасти в «горячую».

На русско-литовской «украине» после завершения Стародубской войны (о которой мы писали в предыдущей книге) о «Вечном мире» не могло быть и речи – обе стороны имели столь большое число взаимных претензий, территориальных и иных, что можно было говорить лишь о краткосрочном перемирии. Больше того, постоянные взаимные «зацепки», в ходе которых то литовцы, «приходя, вступаютца в наши во многие земли воды и людем нашим многие обиды чинят, бои и грабежи, и многих наших людей до смерти побили», то русские литовских «людей побили и помучили, а иных до смерти позабывали и шкоды великие там им поделали»⁸⁵, позволяли утверждать, что на пограничье сложилась ситуация, которую можно охарактеризовать как «ни мира, ни войны».

На словах, конечно, и Москва, и Вильно, продолжая регулярно обмениваться посольствами и гонцами с посланиями, обеими руками были за урегулирование спорных вопросов и проблем, изъявляли желание дать управу и возместить ущерб всем обиженным и пострадавшим от «зацепок» и, само собой, провести демаркацию послевоенных границ. Однако на практике дальше торжественных деклараций и обещаний навести порядок на приграничье дело не шло⁸⁶. Горючий материал постепенно накапливался, и только взаимное (пока) нежелание доводить дело до полноценного разрыва отношений и перехода от «холодной» войны к «горячей» не позволяло тлевшим уголькам конфликта вспыхнуть с новой силой. Вильно от возобновления конфликта удерживали печальные итоги Стародубской войны, Москва же была занята разрешением татарского вопроса, так что перемирие, заключенное в 1537 г. по итогам войны, в 1542 г. было продлено.

С истечением срока перемирия в январе 1549 г. в Москву прибыло очередное литовское посольство во главе с витебским воеводой Станиславом Кишкой. Главный вопрос, который решался в ходе переговоров – быть ли «Вечному миру», и если быть, то на каких условиях. Эти

⁸³ См., например: История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. I. Алматы, 2005. С. 85; Кусаинова Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград, 2005. С. 46; Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 287; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. XIII. С. 120–121; Продолжение Древней Российской вивлиофики. Ч. VIII. СПб., 1793. С. 89, 108, 222, 249, 293, 301; Тихомиров М.Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533–1547 гг. // Исторические записки. Т. 46. 1954. С. 284; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 527–528 и др.

⁸⁴ См., например: Пенской В.В., Пенская Т.М. Крымский имперский «проект» в 1-й трети XVI в.: «окно возможностей» открывается и закрывается // Золотоордынское обозрение. 2024. № 2. С. 414–434.

⁸⁵ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560). С. 216, 220–221.

⁸⁶ См., например: «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским в 1487–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Т. II. М.; Варшава, 1997. С. 176–177; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II. С. 438–439.

переговоры интересны прежде всего тем, что в них, как в капле воды, отразилась сложившаяся к тому времени устойчивая традиция дипломатического торга. Стороны сперва излагали свои программы-максимум, а затем постепенно, шаг за шагом, сбавляли тон и делали уступки, пытаясь найти взаимовыгодный компромисс.

Однако на этот раз такая тактика не привела к желаемому результату – литовские послы уперлись, настаивая на своем требовании непрямого возвращения Смоленска как первейшего условия заключения вечного мира. Московская же сторона категорически отказалась уступать в этом вопросе. Казалось бы, путь к очередной русско-литовской войне был открыт, однако этого не случилось. На заседании Боярской думы 27 января 1549 г., на котором обсуждался ход переговоров, молодой царь заявил боярам, что «только ныне сделать мир вечный, и вперед уже через крестное целование своих вотчин искать нельзя, зане крестного целования никак нигде порушить не хочу». Бояре поддержали выступление Ивана, «приговорив» вместе с царем «вечного миру с королем не делать для доставанья своих старинных вотчин, а взять с королем перемирие на время». При этом бояре предложили заключить перемирие на возможно больший срок с тем, чтобы «людям опочинуть и с иными недругами в то время управиться». О том, кто подразумевался под этими «другими недругами», было прямо и недвусмысленно сказано в «приговоре» царя и бояр, состоявшемся по итогам заседания Боярской думы 5 февраля: «Вперед с крымским делом поделается, а с Казанью государь переведается ж, ино вперед с королем за то крепко стоять и дела с ним никакова не делать»⁸⁷.

Остроты в отношении между двумя дворами добавили еще два вопроса, весьма болезненные для обеих сторон. Литовские переговорщики отказались возвращать пленных, которые томились в литовском заточении еще со времен Смоленской войны 1512–1522 гг. (большая их часть оказалась в неволе после несчастной для русских битвы под Оршей в 1514 г.)⁸⁸. Неоднократные попытки добиться их освобождения успеха не имели ни прежде, ни сейчас, во время очередного раунда русско-литовских переговоров. Несчастные пленники стали, по существу, инструментом шантажа с литовской стороны – их освобождение обставлялось требованием территориальных уступок от Москвы, на что ни Иван, ни бояре пойти не могли.

Другая проблема всплыла под занавес переговоров. 1 февраля, при чтении текста перемиренных грамот, литовский писарь Глеб Есманов неожиданно уперся и отказался принимать грамоту на имя его государя, ибо, по его словам, «записано в грамоте имя государя вашего царем, и мне так не писать, писать мне по старине». Уговоры с русской стороны не помогли – писарь стоял на своем, объясняя свое упорство тем, что-де «мне только то слово написать, и в том мает мое горло караться, и мне того слова никак не писать»⁸⁹. Послы поддержали своего писаря, и даже угрозы, что из-за одного слова достигнутые договоренности будут сорваны, на них не подействовали – литовцы наотрез отказывались принимать грамоту с новым титулом Ивана IV. Видя такое их упрямство, бояре, посоветовавшись, предложили Ивану пойти на хитрость – в литовском варианте грамоты прописать спорный титул «по старине», а в русском – с нововведениями, потому что «зане ныне крымской царь в великой недружбе, а казанской потому ж, и только с королем за то слово не сделать, ино против трех недругов стоять вдруг истомно». Больше того, бояре привели в пользу такого выхода из тупика и такой интересный аргумент: «Которые крови христианские прольются за одно имя, а не за землю, ино от Бога о гресе сумнелно»⁹⁰. На том и порешили, сделав при этом оговорку – вернемся к вопросу о титуловании Ивана царем после того, как будут разрешены крымский и казанский вопросы.

⁸⁷ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. II (1533–1560). С. 278, 291.

⁸⁸ См. там же. С. 283–284.

⁸⁹ Там же. С. 287.

⁹⁰ Там же. С. 291.

Противоречия, которые снова проявились в ходе очередного раунда переговоров между Москвой и Вильно, не оказали, однако, существенного воздействия на общий ход отношений меж двух дворов. Обращает на себя внимание тот факт, что великий князь Литовский Сигизмунд II и его паны рады, наблюдая за тем, как Москва все глубже и глубже увязала в казанском «болоте», практически никак не воспользовались ее затруднительным положением для того, чтобы выторговать себе в ходе переговоров о мире дополнительные преференции. Литовский «брат» московского государя явно не стремился форсировать конфликт и, в отличие от своего отца, не проявлял явного желания создать тройственный союз Вильно, Бахчисарая и Казани и тем более вовлечь в него Ливонскую «конфедерацию».

Чем можно объяснить такую пассивность и связана ли она с опасениями, что крымский «царь» Сахиб-Гирей займет по отношению к Сигизмунду II более жесткую позицию, чем та, которая была прежде, во времена Сигизмунда I? Ведь не секрет, что Сигизмунд I Старый придерживался курса на умиротворение османов и сохранение союза с Крымом, но после его смерти старые договора переставали действовать и их нужно было перезаключать заново. Гарант возобновления татарских набегов на владения Ягеллонов не было (и в конце 40-х гг. они возобновились)⁹¹, тем более что и в Польше, и в Литве существовала оппозиция примирительной политике по отношению к Стамбулу и крымцам – вплоть до того, что влиятельный гетман Ян Тарновский предложил заключить антитурецкий союз с римским королем эрцгерцогом Фердинандом⁹². Стоило ли в этих условиях идти на обострение отношений с Москвой, тем более, как отмечала А.Л. Хорошкевич, новый польский король столкнулся с массой других серьезных проблем – от пустой казны до враждебности со стороны многих влиятельных представителей польской магнатории, недовольных тем, что король женился на Барбаре Радзивилл?⁹³ Так или иначе, но русско-литовское перемирие было продлено, а неопределенность в отношениях между Москвой и Вильно сохранилась.

Неопределенность эта была связана, как следует из хода переговоров 1549 г., с тем, что в Москве окончательно возобладали сторонники «восточного поворота» во внешней политике, который наметился в политике Василия III после памятных событий 1521 г. «Татарский вопрос» окончательно вышел на первый план во внешнеполитических расчетах Боярской думы.

Причины этого поворота (о чем мы уже писали выше) представляются очевидными. Еще раз подчеркнем – восстановление Золотой Орды под крымской эгидой ни при каких обстоятельствах не могло быть принято Москвой, тогда как Литва представлялась более слабым противником. После Ольгерда великим литовским князьям ни разу не удалось создать реальную угрозу сердцу Русского государства и самой Москве, а вот у татарских же «царей» и «царевичей» это получалось, и неоднократно. Угроза большого татарского вторжения оставалась вполне актуальной – в русской столице не забыли ни «крымский смерч» 1521 г., ни угрозы Сахиб-Гирея, да и недавнее его нашествие, с трудом отраженное на берегах Оки, было свежо в памяти и бояр, и церковных иерархов, и самого царя. Потому-то в Москве крайне нервно реагировали на малейшие признаки готовящегося крымского вторжения. Принимая то или иное решение, боярское «правительство» всегда оглядывалось на юг – не собирается ли там новая гроза? И хотя сам хан после неудачи своего громкошумящего похода жарким летом 1541-го сосредоточился на попытках расширить свою сферу влияния на Кавказе и в нижнем Поволжье, «прикрывшись» Казанью (которая, похоже, в его внешнеполитических расчетах выступала в роли инструмента, призванного лишить Москву инициативы и заставить ее замкнуться

⁹¹ См.: Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 85.

⁹² Османская империя и страны Центральной, Восточной и ЮгоВосточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений. М., 1984. С. 168–169.

⁹³ Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. С. 85.

на решении обострившейся «казанской» проблемы), в русской столице предпочитали перестраховаться, не дожидаясь, пока грянет очередной крымский «смерч».

Не будем забывать и об идеологической составляющей «восточного поворота» – для новопоставленного православного царя воевать с басурманами было не в пример правильнее и богоугоднее, чем с соседними христианскими государствами, той же Литвой, в которой православные составляли немалую часть населения и не испытывали (пока) каких-либо серьезных проблем со своей религиозной идентичностью.

Другое дело, что, как показал дальнейший опыт, быстрое решение татарского вопроса (то, что худо-бедно работало в Казани и Астрахани, оказалось неприменимым по отношению к Бахчисараю) оказалось невозможным и к литовской проблеме пришлось возвращаться, не завершив начатого дела на юге. Можно сказать, что Москва во 2-й половине 40-х гг. XVI в. оказалась в ситуации внешнеполитического цугцванга. Ни одно принятое решение не давало скорого положительного эффекта и в не столь далекой перспективе только ухудшало и без того непростую обстановку едва ли не по всему периметру границ Русского государства – ведь не только с татарскими юртами и с Литвой были весьма и весьма непростые отношения. Напряженная ситуация складывалась и на Северо-Западе, на границах с Ливонской «конфедерацией» и Шведским королевством, на престоле которого сидел амбициозный и энергичный король Густав I Ваза. Здесь, на «Немецкой уkraine», давнымдавно, еще в 1-й половине XIII в., завязался тугой узелок внешнеполитических проблем, развязывать который рано или поздно все равно бы пришлось по причинам, назвать которые второстепенными было никак нельзя.

Иван III, присоединив к своим владениям Новгород и превратив Псков в послушного московского вассала, унаследовал этот клубок и со свойственной ему решительностью попытался разобраться с ним. Однако его действия по пересмотру status quo в регионе, предпринятые им в 90-х гг. XV в., стали причиной затяжного политического кризиса и серии военных конфликтов на рубеже XV–XVI вв. Именно тогда в ливонском политическом дискурсе окончательно утвердился в качестве главного *raison d'être* самого существования Ливонской «конфедерации» и ее сильнейшего члена, Ливонского ордена, мотив *Rusche gefahr*, «русской угрозы».

Не имея возможности успешно противостоять Русскому государству в прямом столкновении, ливонские ландскерры сделали ставку на ужесточение санкционного режима в торговле с русскими. Ограничения, а то и прямой запрет на поставки в Русскую землю не только вооружения и военных технологий, но и товаров, которые сегодня отнесли бы к категории «двойного назначения» (а под них попадали не только цветные металлы – те же свинец, олово, медь и серебро, но даже сукно, соль, сельдь и кони), которые были установлены еще в XIII в., периодически подновлялись, а с конца XV в. фактически не прекращались⁹⁴. Этот режим торгового эмбарго наряду с постоянными пограничными «зацепками» был предметом постоянной головной боли у московских наместников во Пскове и в Новгороде (а именно в их ведении находились сношения и с Ливонией, и со Швецией). Само собой, русские купцы искали и находили обходные пути для преодоления этой фактической торговой блокады, тем более что сами ливонцы, да и шведы, были готовы за соответствующее вознаграждение закрыть глаза на контрабандную торговлю, размах которой только прирастал год от года. Помимо этого, Москва пыталась диверсифицировать свою торговлю с внешним миром, установив еще в конце XV в. тесные контакты с враждебно настроенной по отношению к Швеции Данией и привечая у себя нидерландских купцов, – совсем не случайно «правительство» Елены Глинской решило возвести в устье Наровы город, а за ним последовали другие⁹⁵.

⁹⁴ Подробнее см., например: Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV века. Истоки конфликта. М., 2015. С. 272–273, 360–361; Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877. С. 76–78.

⁹⁵ О русских нарвских городках см.: Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории. С. 81; Косточкин В.В. Русские военно-оборонительные сооружения XVI века у устья реки

Однако до поры до времени эти действия носили непоследовательный характер – шаг вперед, два шага назад, ибо все внимание московских бояр было обращено на литовские и татарские дела, более привычные и понятные для них. Между тем поддержание торговой блокады ливонцами делало их с началом масштабного военного конфликта в Поволжье де-факто союзниками казанцев и стоявшего за их спиной крымского «царя». Масла в огонь подлили и действия, предпринятые ливонскими ландсгерьрами по срыву миссии саксонца Ганса Шлитте – миссии, загадка которой не разгадана до сих пор и которая заслуживает того, чтобы уделить ей внимание на страницах нашей книги.

Уроженец города Гослар Ганс Шлитте не был в Москве *persona incognita*. Немецкий исследователь Р. Фрэнчер со ссылкой на «Госларскую хронику» соотечественника Шлитте некоего Г. Гайсмара указывал, что Шлитте вел торговые дела с Москвой еще в 1542 г. и уже тогда же предпринимал шаги по вербовке специалистов на службу московскому государю⁹⁶. О том, что Шлитте с начала 40-х гг. XVI в. вел торговые дела в Москве, писал и отечественный историк О.В. Русаковский⁹⁷, так что дорога в столицу Русского государства ему была знакома и он определенно имел некие связи в московских торговых и, видимо, политических кругах – вербовка специалистов на службу русскому государю явно не могла быть осуществлена без ведома московских властей. В июне 1546 г., направляясь в очередной вояж в Москву, «почтенный купец» Шлитте является ко двору прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна и получает от него рекомендательное письмо к Ивану IV⁹⁸. Л.Ю. Таймасова полагает, что за спиной Шлитте стояло семейство Фуггеров, конкретно – «князь купцов» Антон Фуггер⁹⁹, богатейший на тот момент человек Европы, возглавивший торгово-банкирский дом Фуггеров после смерти своего дяди Якоба Фуггера в 1525 г. Если это так (а мы склоняемся к тому, чтобы принять эту версию), то тогда легко находит свое объяснение та непринужденность, с которой Шлитте получил рекомендацию прусского герцога, которого заподозрить в симпатиях к московскому двору довольно сложно.

Имея на руках рекомендацию от Альбрехта¹⁰⁰, Шлитте летом 1546 г. прибыл в Москву, где в это время как раз шла подготовка к походу на Казань. Что еще, кроме рекомендательного письма от пруссака, привез с собой Шлитте, неясно, однако мы осмелимся предположить, что не только «князь купцов», заинтересованный в открытии для себя новых торговых маршрутов на Востоке через Московию, поддерживал действия Шлитте, но и брат императора Священной Римской империи Карла V эрцгерцог Австрии, король римский, германский, венгерский, хорватский и богемский Фердинанд, имевший с семейством Фуггеров тесные отношения.

Фердинанд с начала 1540-х гг. безуспешно оспаривал с турецким султаном Сулейманом I власть над Венгрией. Несмотря на все его усилия и затраты, турки не только сумели закрепиться в среднем Подунавье, но и продолжали продвигаться вперед, расширяя пределы новообразованного эйялета с центром в венгерской Буде¹⁰¹. Военные неудачи и нехватка средств вынудили Фердинанда пойти на заключение в ноябре 1545 г. перемирия с османами сроком на

Наровы // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. 52. М., 1953. С. 25–32.

⁹⁶ См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. II. М., 2008. С. 133.

⁹⁷ См.: *Русаковский О.В.* Ганс Шлитте и наем немецких воинов на русскую службу в 1547–1548 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXIV. Московия в свидетельствах иностранцев. М., 2018. С. 8. См. также: *Фрэнчер Р.* Дело Шлитте // *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. II. М., 2008. С. 133.

⁹⁸ Регест этого письма см.: *Elementa ad Fontium Editiones*. Т. LXI. Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam Spectantia XXIX Pars. Romae, 1985. S. 98.

⁹⁹ *Таймасова Л.Ю.* «Дело Шлитте» // Новый исторический вестник. 2008. № 17. С. 32.

¹⁰⁰ Полный текст рекомендательного письма на немецком и латинском языках см.: *Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584)*. Т. I. Кн. 1. Священная Римская империя и страны Европы. СПб., 2023. С. 34–36.

¹⁰¹ См., например: *Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв.* С. 204–205, 209–210.

полтора года¹⁰², однако ни для кого ни в Стамбуле, ни в Вене не было секретом, что возобновление конфликта не за горами. Напрашивается предположение, что в этих сложных условиях при дворе Фердинанда могли вспомнить о прежних планах вовлечь Московию в антиосманский альянс.

Эта идея витала в воздухе как минимум еще со времен Василия III, когда московский и венский дворы неоднократно обменивались посольствами. «Правительство» Елены Глинской также пыталось поддерживать связь с императором, отправив к Карлу V послов Ю.И. Скобелыцына со товарищи. Внезапная смерть матери Ивана IV и последовавшие за этим политические неурядицы прервали эти контакты¹⁰³. Однако почему бы не попробовать еще раз, тем более что в Москве можно было опереться на семейство Глинских, у которых были свои связи в империи. Дядя матери Ивана IV Елены Глинской, князь Михаил, длительное время обретался в Европе, служил герцогу Саксонскому Альбрехту III и имел хорошие связи в среде высшей имперской аристократии (в частности, его знакомцем был третий сын Альбрехта Фридрих, будущий Великий магистр Тевтонского ордена. Кстати, именно Фридрих рекомендовал будущего же прусского герцога Альбрехта Гогенцоллерна на пост прусского ландмейстера ордена). Служивший Михаилу саксонский дворянин К. Шлейниц выполнял в годы 1-й Смоленской войны и накануне ее по его приказу в интересах Василия III дипломатические поручения и вербовал в империю для отца Ивана IV военных специалистов и наемников (sic!). Логичным было бы предположить, что определенные связи у Глинских в Саксонии остались, и они были пущены в ход в 1545 г. (кстати, не связано ли возвышение Глинских при дворе Ивана IV в конце 1546 – начале 1547 г. в том числе и с завязкой миссии Шлитте?).

Итак, складывается впечатление, что на этот раз инициативу проявила Вена, но не сам император Карл и его советники, занятые в это время другими делами, а Фердинанд и его окружение. Памятуя же о прежнем опыте сношений с венским двором, можно предположить, что миссия Шлитте на первых порах носила характер предварительного зондажа относительно тех условий, на которых мог состояться направленный против Стамбула союз Москвы и Вены.

Приезд Шлитте в Москву был встречен если и не с воодушевлением, то, во всяком случае, благожелательно. Конечно, пред светлые государевы очи немца-авантюриста допустили далеко не сразу – похоже, что Иван IV принял его только весной (в апреле?) 1547 г. Результатом этой аудиенции, которая подвела итоги долгой предварительной работы, проделанной боярами и великокняжескими дьяками и подьячими, стало официальное поручение Шлитте завербовать на русскую службу всякого рода мастеров и технических специалистов, а также «полк» (Regiment) ландскнехтов общим числом 3 тысячи бойцов во главе с «полковником» (Obrist) и конный отряд (500 всадников, в том числе 100 тяжеловооруженных «жандармов»)¹⁰⁴. Кроме того, с собой в Вену Шлитте, как тайный эмиссар московского двора, вез про-

¹⁰² См. там же. С. 206.

¹⁰³ См., например: Боровков Д.А. Карл V Габсбург: последний император Средневековья. М., 2021. С. 392–407.

¹⁰⁴ См.: Русаковский О.В. Ганс Шлитте и наем немецких воинов на русскую службу в 1547–1548 гг. С. 10–13. Стоит заметить, что найденные и введенные в научный оборот О.В. Русаковским материалы показывают, что проект найма ландскнехтов и рейтар был детально проработан и в принципе мог быть реализован при наличии соответствующей политической воли со стороны имперских властей. Вопрос только в том, каким образом предполагалось использовать этот «корпус»? Логичным было бы предположить, что наемники должны были принять участие в войне с Казанью (и как будто именно эта цель была озвучена в письме Ивана IV, которое представил Шлитте императору Карлу V, – см.: Русаковский О.В. Ганс Шлитте и наем немецких воинов на русскую службу в 1547–1548 гг. С. 8, 10, 12). Однако против этого предположения выступает фактор времени – если поход на Казань планировался если не на лето 1547-го, то на зиму того же года, то нанятые при содействии Шлитте ландскнехты и рейтары никак не успевали к этому мероприятию. Б.Н. Флоря полагал, что идея нанять этот «корпус» родилась под влиянием событий лета 1547 г. в Москве и «правительство» молодого Ивана стремилось таким образом обзавестись своего рода лейб-гвардией, «получить в свое распоряжение профессиональную военную силу, не связанную с местным населением» (Флоря Б.Н. Миссия Шлитте и московское восстание 1547 г. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 101). Но и здесь также против играет фактор времени – московский мятеж явно произошел уже после того, как Шлитте отбыл в Германию. А что, если предположить, что этот «корпус» должен был выступить усилением 30-тыс. конной рати, которую Иван IV якобы был готов послать на помощь императору для борьбы с турками? Такое предположение как

ект военного союза против Османской империи (включавший в себя предложение отправить русский экспедиционный корпус для войны с турками и предоставить венскому двору финансовую помощь для возобновления борьбы с османами) и желание Боярской думы добиться признания за Иваном IV царского титула вкупе с туманными намеками относительно возможности заключения церковной унии между Москвой и Римом¹⁰⁵. Последнее предложение должно было, по мысли хитроумных москвитов, привлечь на сторону Ивана не только императора, боровшегося с протестантами, но и римского папу. Все эти шаги были уже опробованы еще во времена Ивана III и Василия III, так что бояре не изобретали ничего нового и лишь подняли из пыли архива Посольской избы старые дела. В условиях вполне вероятной дальнейшей эскалации конфликта с казанским «царем» (за спиной которого стоял «царь» крымский и османский султан) любая помощь со стороны Священной Римской империи была бы совсем не лишней.

В конце лета 1547 г. Шлитте прибыл в Аугсбург – как раз накануне открытия рейхстага, который должен был подвести итоги долгого противостояния императора Карла V, католической «партии» и протестантов, которое как будто разрешилось в ходе так называемой Шмалькальденской войны. Момент для успеха миссии энергичного саксонца был удачным, доставленные им верительные грамоты выглядели весьма убедительно, а привезенные предложения – более чем привлекательными. Император и его советники, не вполне владевшие ситуацией (похоже, что ранее Карл и его брат поделили сферы ответственности – император взял на себя Запад и Средиземноморье, римский король – Восток и Балканы), не смогли устоять перед такими соблазнительными перспективами. Мир, заключенный с османами в июне 1547 г., был невыгоден, более того, унизителен для Габсбургов (особенно для Фердинанда, ибо его подписание стало для римского короля полной неожиданностью, а отвечать за негативные последствия договора предстояло именно ему)¹⁰⁶. Явление Шлитте с московскими предложениями как будто позволяло пересмотреть результаты проигранного было раунда противостояния с османами, так что император пошел навстречу пожеланиям Ивана IV и его бояр относительно разрешения набрать в империи специалистов и наемников для службы московскому *Grossmechtig Furst und mag-no Duce*, а также восстановления торговли оружием и стратегическими материалами. Шлитте получил от императора соответствующие бумаги. Больше того, похоже, что Карл и его советники были готовы в случае благоприятного завершения переговоров об унии и союзе признать Ивана IV «императором всех русских»¹⁰⁷.

Увы, очарование, вызванное предложениями Шлитте, длилось при дворе императора недолго. Действия московского эмиссара и внешнеполитические перспективы, которые могли стать их следствием, вызвали серьезнейшую озабоченность в Ливонии и в Кракове. Уже на аугсбургском рейхстаге посланец от рижского архиепископа Вильгельма Гогенцоллерна И. Каммерштадт выступил за то, чтобы отвергнуть предложения, сделанные Шлитте от имени

будто выглядит противоречащим изложенному в упомянутом царском послании проекту, однако такое применение нанятых в империи пехотинцев и всадников выглядит более логичным и приемлемым для обеих сторон и с финансовой, и с чисто военной точек зрения.

¹⁰⁵ См.: Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1. Священная Римская империя и страны Европы. С. 39–53. Составители сборника разместили текст царской грамоты, адресованной императору Карлу, сопроводив его подзаголовком «Фальсификат Шлитте», оговорившись, правда, что, например, по мнению Ю.Н. Щербачева, это был проект, составленный от имени Шлитте (Там же. С. 39). Правда, не совсем понятно, как развивались бы события дальше, если предложения, которые были сформулированы в этом послании, нашли поддержку в Вене и в Москву отбыло бы «великое посольство» для согласования текста договора между венским и московским дворами. Или Шлитте, по мнению составителей сборника, сумел ввести в заблуждение и обвести вокруг пальца искушенных имперских и московских дипломатов? С какой целью? – возникает в таком случае закономерный вопрос.

¹⁰⁶ См., например: *Гусарова Т.П.* Венгрия XVI–XVII вв.: портреты современников на фоне эпохи. М.: СПб., 2018. С. 111–112.

¹⁰⁷ См.: *Фрэнчер Р.* Об особенностях московской дипломатии середины XVI в. С. 94, 100. См. также: Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1. Священная Римская империя и страны Европы. С. 61–63, 64–65. И снова составители сборника отмечают, что, по мнению Р. Фрэнчера, грамота Карла V, в которой он согласен именовать великого князя «императором», сфальсифицирована Шлитте, не отвечая на вопрос: зачем ему такой риск?

Ивана IV. Затем к делу подключились польский король Сигизмунд II и ливонский магистр И. фон дер Рекке, которые чуть ли не в один голос потребовали прекратить всякие переговоры со Шлитте и ни в коем случае не разрешать ему ни нанимать специалистов, ни тем более разрешать торговлю оружием и всякими товарами «двойного назначения»¹⁰⁸. Я. Тарновский, гетман великий коронный (тот самый, который «отличился» во время взятия Стародуба в 1535 г., приказав казнить всех взятых в городе пленных), и вовсе предложил герцогу Альбрехту Прусскому по возможности перехватить Шлитте и его людей на границе и задержать, а то и убить¹⁰⁹. В дело был пущен и такой неожиданный аргумент – бывший имперский посол в Московии С. Герберштейн получил задание переработать свои записки о пребывании в Московии во времена Василия III и подготовить их к публикации. Вышедшие в 1549 г., они мгновенно стали бестселлером и задали тон всей европейской *Rossica* на десятилетия, если не на столетия, вперед, и тон этот был весьма негативным (и вряд ли этот негатив был случайным – уж очень ко времени он оказался!).

В конечном итоге усилия Сигизмунда, Тарновского и ливонцев расстроили планы Шлитте. На обратной дороге в Москву он был арестован и посажен в долговую тюрьму в Любеке, набранные им специалисты разбрелись сеном и овомо, некоторые из них, пытавшиеся самостоятельно пробраться в Россию через ту же Ливонию, были схвачены и посажены в тюрьму. Союз между Москвой и империей не состоялся, признания со стороны императора царского титула Иван IV не получил, переговоры об унии заглохли, так и не начавшись, торговое эмбарго снято не было, а в список претензий Москвы к ливонцам и, само собой, к «брату Жигимонту» добавился еще один пункт.

Почему миссия Шлитте, начавшись за здравие, в конечном итоге завершилась за упокой? Можно предположить, что не последнюю роль в этом сыграли два обстоятельства. Тот факт, что сама идея послать тайного эmissара в русскую столицу была рождена советниками «римского короля», объясняет странную реакцию Карла V на явление Шлитте на Аугсбургский рейхстаг. Император был явно не готов к этой встрече и потому никак не мог определиться с тем, как именно ему поступать с предложениями, которые доставил ему Шлитте от имени Ивана IV. И поскольку для Карла интересы Фердинанда в Венгрии явно находились на втором плане, то он в итоге и поддался давлению со стороны противников союза с Москвой и отменил свои первоначальные решения. Фердинанд же не стал защищать своего агента, поскольку в это время образовалось небольшое окошко, которое позволяло (как будто) решить венгерскую проблему через интригу, а не посредством полноценной масштабной и, как следствие, весьма дорогостоящей войны, найти деньги на которую было той еще проблемой¹¹⁰.

¹⁰⁸ См., например: *Pierling P.* Hans Schlitte d'après les Archives de Vienne // *Revue des Questions Historiques*. Т. XIX. P., 1898. P. 207–208.

¹⁰⁹ *Elementa ad Fontium Editiones*. Т. XXXVIII. Documenta ex Archivo Regiomontano ad Poloniam Spectantia. VIII Pars. Romae, 1976. S. 21.

¹¹⁰ См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. С. 210.

3. Борьба «партий» в Казани, ногайская интрига и «аерное нестроенье»

Итак, начавшись за здравие, миссия Шлитте завершилась за упокой, но, похоже, в Москве рассматривали ее как некий вариант «Б», и, пока царский эмиссар вояжировал по границам, московские бояре готовились к продолжению «казанщины». Неудача зимнего 1547/48 г. похода на Казань вовсе не охладила желания Боярской думы разрешить раз и навсегда казанскую проблему, благо ситуация в самой татарской столице как будто благоприятствовала этим планам. Политический кризис, вызванный неожиданной смертью Сафа-Гирея, продолжал развиваться¹¹¹. В Казани повторилась ситуация, которая была в Москве несколькими годами ранее, но, похоже, в больших масштабах – сказывался более архаичный и примитивный характер казанской государственности. Ее властная инфраструктура была развита не в пример слабее, чем московская, а процессы деперсонализации власти если и были запущены, то находились в самом их начале. Отсутствие верховного арбитра в лице «царя», способного разрешать противоречия в правящей верхушке поволжского «царства», крайне негативно сказывалось на политической ситуации в Казани и на дееспособности казанской государственной машины.

К несчастью для казанцев, на момент смерти Сафа-Гирея его старшие сыновья, Мубарек-Гирей и Булюк-Гирей, пребывали в Крыму. «Младоказанская» «партия» попыталась добиться от Сахиб-Гирея разрешения отправить одного из них в Казань на освободившийся «стол». Однако казанское посольство во главе с «князем» Енбарсом было перехвачено по дороге мещерскими казаками, Ураком со товарищи, и побито, а взятые ярлыки были присланы в Москву¹¹². Впрочем, сам Сахиб-Гирей был против того, чтобы кто-либо из детей Сафа-Гирея стал новым казанским «царем», и на всякий случай посадил их в тюрьму. Взамен он попробовал договориться с султаном Сулейманом о посадении на казанское «царское» седалище своего племянника Девлет-Гирея, «гостившего» у турок (тем самым крымский «царь» намеревался обезопасить себя от потенциальной угрозы со стороны Девлет-Гирея, поставив его под свой контроль в Казани). Однако у Сулеймана, недовольного своеволием Сахиб-Гирея, насчет Девлет-Гирея были другие планы, и, согласившись для вида отправить его в Казань¹¹³, он не торопился выполнять свое обещание.

Не дождавшись вестей от послов, казанские «лутчие» люди, посоветовавшись, посадили на царское седалище 2-летнего сына Сафа-Гирея от Сююмбике Утемиш-Гирея. От его имени казанские «князья» прислали в Москву гонца Бакшанду с грамотой. В ней Иван IV и его бояре извещались о переменах на казанском «столе» и о намерении нового «царя» начать переговоры о мире.

Иван и его бояре в ответной грамоте сообщали стоявшим за спиной малолетнего Утемиш-Гирея татарским «князьям»: если новый казанский «царь» хочет мира, то пускай шлет «добрых людей»¹¹⁴. Однако послание это было не более чем отпиской – у Москвы были иные планы. В русской столице внимательно наблюдали за развитием событий в Казани, благо недостатка в информаторах не было – летописец писал, что в к тому времени в Москве собралось уже ни много ни мало, а 3 тысячи казанских эмигрантов¹¹⁵. Конечно, это преувеличение, но сам факт формирования в Москве многочисленной казанской политической «диаспоры» не

¹¹¹ См., например: История о Казанском царстве... Стб. 294–295.

¹¹² Русский Хронограф. С. 529.

¹¹³ См., например: Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. I. М., 2005. С. 316–317.

¹¹⁴ Летописец начала царства... С. 56.

¹¹⁵ История о Казанском царстве... Стб. 295.

подлежит сомнению, и прибывавшие из Казани все новые и новые беглецы сообщали о развивающемся кризисе и отсутствии единства среди казанской правящей элиты. Грех было не воспользоваться таким благоприятным моментом, и мирная инициатива нового казанского «правительства» под благовидным предлогом была де-факто отклонена.

Тем временем весть о переменах в Казани достигла незадолго до этого ставшего ногайским бием Юсуфа. Ногаи давно рассматривали, как уже было отмечено выше, Казань как сферу своего влияния. Казанская аристократия, правда, не видела в них, по словам В.В. Трепавлова, таких же «патронов», как Москву или Бахчисарай, и в лучшем случае рассматривала ногаев как тактических союзников (или, паче того, инструмент в достижении своих целей. – В. П.)¹¹⁶. Однако сами ногаи так не думали, и теперь, когда политический кризис в Казани, казалось, открыл новое окно возможностей, Едигеевичи поспешили воспользоваться представившимся шансом.

В июле 1549 г. в Москву прибыло посольство от Юсуфа, доставившее Ивану биев план совместных действий против казанцев. Главную роль в нем должен был сыграть Шах-Али, за которого Юсуф был готов отдать свою дочь. Иван помог бы Шах-Али собрать вокруг него всех казанских эмигрантов «и з братьею, и з детми, и с таварищи, и с их людьми, да сколько ни будет, чюваши, и черемисы, и рзян, и мордвы», и отправил бы их на Казань «на царство», да «говорити бы велел им так» по дороге на Казань тамошним обитателям: «Во се царь ваш, во се и князи ваши, во се люди ваши, сколько их у нас». Своего войска Иван на Казань не посылал бы – взамен Юсуф гарантировал, что со своей стороны он отправит на помощь Шах-Али своих казанских эмигрантов и свою рать со своей братьей и сыновьями¹¹⁷. Надо полагать, что после воцарения Шах-Али на казанском седалище все остались бы довольны. Шах-Али получал не только трон, но жену и двух могущественных покровителей, Иван – своего человека во власти, а Юсуф, надо полагать, рассчитывал, что новый «царь» исполнит то, что обещал, но не сделал Сафа-Гирей – даст одному из его сыновей казанское «княжество» и «взимки» (40 тыс. алтын или 1200 рублей)¹¹⁸.

В Москве, имевшей свои виды насчет Казани, бояре недолго размышляли над предложением бия. 20 июля 1549 г. состоялся официальный прием ногайских послов, а уже 9 августа с ними попрощались (довольно холодно, надо сказать, – в ответ на грабеж русского посланца Ивана Федцова Касай-мирзой ногайское посольство не приглашали «ести», а послали «корм» вместо «стола»). В ответном послании бояре от имени юного Ивана не изъявили особого восторга от предложенного Юсуфом плана, но, не желая вот так сразу портить отношения с новым бием, уклончиво ответили, что государь намерен послать Шах-Али с войском в Казань, но когда именно – еще не решено. Но как только решение будет принято – так сразу Юсуфа и известят об этом. А сейчас, продолжали дальше бояре, было бы неплохо бию послать своих людей на «крымского» – государь послал своих казаков чинить «тесноту» и «недружбу» на крымские улусы, и если бы к ним присоединились ногайские люди, то это было бы весьма неплохо¹¹⁹.

Кстати, стоит отметить, что посылка эта вряд ли носила случайный характер. Судя по всему, в Поле было неспокойно, и в летописях сохранилось известие о том, что тульский воевода Захарья Яковлев со товарищи побил наголову 3 тыс. крымских людей во главе с «князем» Аллахкуватом, которого пленили и прислали в Москву¹²⁰. В судьбе Аллахкувата, ногайского мирзы, принял самое деятельное участие Юсуф, просивший Ивана по дружбе («коли уж еси

¹¹⁶ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 216–217.

¹¹⁷ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. С. 294.

¹¹⁸ См., например: Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М., 2003. С. 47, 48.

¹¹⁹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. С. 291, 298–299.

¹²⁰ Русский Хронограф. С. 529.

нам друг, зачем же его нам не дал еси, коли подружился чего попросят и за то друг другу кто стоит?»). Однако Иван был непреклонен – в ответ на просьбы Юсуфа и Исмаила отпустить «брата» их Аллахкувата он писал, что мирза приходил из Крыма войной на его, государеву, Украину и был взят с поличным. А дальше его судьба была печальной, поскольку, продолжал Иван, «в нашем государстве ныне обычаи таковы: которой на наши Украины воином ни придет, и тот жив не будет. «А и сам себе то rozsуди, – продолжал дальше царь, явно сам диктовавший ответ бию, – которой недруг недружбу делает и землю пустошит, тому живот на что давати?», так что «ты б вперед о мертвых не писал»¹²¹.

Тем временем, не дожидаясь ответа из Москвы, Юсуф решил действовать самостоятельно и отправил на Казань своего сына Юнуса со многими мирзами и ратными людьми. Спешка бия имела под собой веские основания – судя по всему, в Казани летом 1549 г. шла нешуточная борьба между «прокрымской» «партией», которую возглавляла немногочисленная, но сплоченная группа крымских мурз и огланов во главе с «мужем зело величавым и свирепым» Кошак-уланом (последний, если верить составителю «Казанского летописца», играл при вдове Сафа-Гирея Сююмбике ту же роль, какую играл при Елене Глинской боярин князь И.Ф. Овчина-Оболенский¹²², фактически узурпировав власть в Казани), и ее оппонентами. В ходе этой борьбы «князь» Хосров был вынужден бежать из Казани, но, собрав своих сторонников за городом, вернулся и попробовал взять город. Увы, простояв под казанскими валами три дня, он был вынужден отступить и отъехал «в Нагай»¹²³.

Спустя две недели после Хосрова под Казанью объявился Юнус и потребовал от казанцев выдать или перебить крымцев и открыть ему городские ворота. «И которые с крымцы в одиночестве Булатовы княжие дети да Расовы дети молвили деи так: Шигалей деи царь из Новагорода побежал назад, – сообщали Ивану IV его доброхоты, – а вы деи Нагай одни о себе нас хотите воевати». И далее Кошак со товарищи с издевкой вопрошали у Юнуса и его мирз: «Что деи нам доспеете? И Шигалеи деи царь один без Нагай с русскою ратью не может же нам ничево доспети. А и ты деи нам как можешь чево доспети?» Попытки Юнуса и его ногаев приступить к казанским валам были отбиты огнем артиллерии, и в результате, простояв под городом семь дней и понеся ощутимые потери (был убит Аксакал-мирза, сын Хайдар-мирзы и внук бия Хасана), Юнус был вынужден отступить¹²⁴.

Стоит заметить, что одним только походом Юнуса на саму Казань дело не ограничилось. В переписке с Иваном IV Юсуф, его брат Исмаил и другие мирзы, проявляя редкостное единодушие, сообщали, что они «завоевались» с казанцами ради Ивана и готовы продолжать свои набеги на казанские земли и дальше¹²⁵. Касаясь мотивов резко возросшей активности ногаев на казанском направлении, М.В. Моисеев отмечал, что Юсуф стремился закрепить казанский трон за своим внуком малолетним Утемиш-Гиреем, тогда как прокрымская «партия» в Казани желала видеть на троне сына Сафа-Гирея юного Булюк-Гирея, крымский же «царь» Сахиб-Гирей хотел отправить в Казань, как уже было отмечено выше, своего племянника Девлет-Гирея. Русские дипломаты тем временем сообщали в Москву, что на казанский трон претендовал еще и старший сын Сахиб-Гирея Эмин-Гирей¹²⁶. Казанский узелок завязывался все туже и туже, и перспективы разрешить его мирным путем становились все призрачнее и призрачнее.

Говоря о событиях лета – зимы 1549 г., стоит заметить, что Кошак и его казанская «партия» сумели удержаться у власти только потому, что его противникам как в самой Казани,

¹²¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. С. 44, 49, 73.

¹²² История о Казанском царстве... Стб. 69–70.

¹²³ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. С. 321.

¹²⁴ Там же. С. 317, 321; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань, 2006. С. 96.

¹²⁵ См. там же. С. 308–309, 310, 313, 315.

¹²⁶ См.: Моисеев М.В. «Казанский вопрос» в русско-ногайских отношениях конца XV – первой половины XVI столетий // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань, 2012. С. 110.

так и за ее пределами явно не хватало координации действий – каждая из сторон стремилась добиться победы в одиночку, чтобы потом забрать по праву победителя все и не делиться успехом со своими союзниками. Однако в Москве подошли к этому вопросу более основательно и не стали кидаться в омут войны очертя голову. Отправив ответ Юсуфу, Иван и его бояре продолжили готовиться к новому походу на Казань. Окончательно решение о новой масштабной военной экспедиции на Казань было принято осенью 1549 г. на «расширенном» заседании Боярской думы с участием самого Ивана IV, его брата Юрия и двоюродного брата царя, удельного князя Старицкого Владимира Андреевича. Дополнительный вес царскому указанию и боярскому приговору придавало присутствие на этом благородном собрании митрополита Макария. Официальная версия истории 2-го Казанского похода, касаясь причин, обусловивших принятие решения о его начале, гласила – молодой царь ополчился на казанцев, не в силах и далее терпеть клятвопреступления и многие неправды, что сотворили прежде казанцы («якоже злии зверие хапающее многих христиан в плен безбожным своим клятвотворением, и многие церкви оскверниша и в запустение учиниша»¹²⁷ – нетрудно заметить в этой «декларации» отчетливый религиозный мотив).

Бий Юсуф попытался было остановить новый поход Ивана на Казань и в конце 1549 г. прислал в Москву новое посольство. Этой миссии предшествовали пересылки между Казанью и Ногайской Ордой, с одной стороны, и Казанью же и Крымом – с другой. Кошак и его «партия», отбив натиск Хосрова и Юнуса, попытались было заполучить «царя» в Крыму, однако Сахиб-Гирей ответил им отказом, «потому что со царем и великим князем и с нагай в недружбе» (хотя, как нам представляется, скорее всего, дело было в том, что послы и «царь» не сошлись во мнениях относительно кандидатуры)¹²⁸, после чего казанцы отправили посольство к бию. По итогам этих переговоров у Юсуфа родился новый план действий на казанском направлении. Бий, рассчитывая закрепить свое влияние в Казани, используя своего внука на казанском седалище как инструмент (на Казани, писал он Ивану, ныне «дочи моя и племя мне тамо есть»), утверждал, что если он, Юсуф, прикажет, что казанцы должны будут с ним, с Иваном, помириться и выплатить «оброчные пошрины». Потому, продолжал он дальше, не стоит воевать в этом году с казанцами, а вот в будущее лето, если они его, бия, не послушаются – тогда воевать можно и нужно, больше того, он и сам со своими ратными людьми присоединится к русским¹²⁹.

Биево посольство прибыло слишком поздно. Иван IV 24 ноября покинул Москву, отправив вперед себя воевод собирать войско в Суздаль, Шую, Муром, Кострому, Ярославль и Юрьев-Польский. Но даже если бы посольство от Юсуфа прибыло в русскую столицу до того, как царь отправился в поход, вряд ли предложения бия были бы услышаны – юный государь и его бояре действовали по своему плану, и в нем мирному плану Юсуфа места не было.

23 января 1550 г. после смотра в Нижнем Новгороде Иван покинул город («а перед ним полкы по чином и наряд пошел») и двинулся на Казань¹³⁰. Трехнедельный марш проходил в сложных условиях – по словам автора «Казанского летописца», «велика бысть нужда воем его (Ивана IV. – В. П.); от студени бо и от мраза, и от глада мнози изомроша, и конского [падежу] безчисленно бысть»¹³¹. 12 февраля русские полки подошли к Казани и приступили к осадным работам, и здесь погода неожиданно переменилась – «пришло в то время аерьеное нестроение, ветры сильные, и дожди великие, и мокрота немерная; и из пушек и ис пищалей

¹²⁷ См., например: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 158.

¹²⁸ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. С. 318.

¹²⁹ Там же. С. 319–320.

¹³⁰ См.: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 158–159.

¹³¹ История о Казанском царстве... Стб. 59.

стреляти не мощно, и к городу приступати не възможно за мокротою»¹³². Вести осаду в таких условиях было крайне тяжело, и, посоветовавшись с воеводами, Иван IV приказал прекратить осаду и начать отступление. Перед этим, правда, русские попытались счастья и после короткой бомбардировки пошли было на приступ, но были отражены татарами¹³³.

Касаясь причин неудачи «2-й Казани», Б.Н. Флоря, принимая свидетельство архимандрита Нифонта (Кормилицына), полагал, что главную роль в этом сыграла измена казанцев. «Поход был предпринят в неудобное время по просьбе сторонников московской ориентации, – писал историк, – обещавших не оказывать сопротивления, если сам царь придет под Казань, но их обещания оказались несостоятельными, и царь снял осаду»¹³⁴. Нифонт, если верить его повести об этом походе, был его участником, и это придает его свидетельству дополнительный вес. Правда, стоит заметить, что сам архимандрит писал о том, что приглашение, которое якобы поступило в Москву от одной из казанских «партий», было стратагемой, замышленной «безбожными кровопивцами» вместе с крымским «царем»: «Безбожники сотвориша совет с крымским царем: как бы царь князь велики под Казань, а он бы пошел на русскую землю воевати»¹³⁵. Не исключая такого сценария развития событий, все же мы склоняемся к тому, чтобы полагать главной причиной отхода именно «аерьное нестроение». Походы зимой для русских были не в новинку, больше того, зимник по льду Волги представлял собой отличную коммуникацию, позволявшую легко доставить к Казани от Нижнего Новгорода артиллерию и припасы. Оттепель же мало того, что создавала серьезные тяготы для осаждающих, лишая их преимущества в огнестрельном оружии, но и нарушала снабжение царской рати, и эта проблема была первостепенной причиной, обусловившей решение воевод начать отступление.

Вторая подряд неудача под Казанью не охладила воинственного пыла Ивана IV, который подпитывался религиозным рвением митрополита Макария и приставленного им к молодому царю священника Сильвестра. На обратном пути царь остановился на месте впадения реки Свияги в Волгу и собрал совет с участием Шах-Али и казанских «князей»-эмигрантов. Вопрос, который обсуждался на совете, состоял в том, годится ли это место для того, чтобы поставить здесь «град» и тем самым «тесноту учинити Казаньской земле» (и снова мы видим повторение сценария, который уже был опробован при Василии III, – отец Ивана IV также, предпринимая походы на Казань, воздвиг на пути к ней крепость Васильсурск как передовую базу для наступающих русских войск). Ответ участников совета на вопрос, заданный царем, был утвердительным – на так называемой Круглой горе решено было заложить крепость «Казанского для дела»¹³⁶.

¹³² Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 160.

¹³³ См.: Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. I. Ч. II. С. 381.

¹³⁴ Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2003. С. 36.

¹³⁵ Кушцевич Г.З. Два рассказа о походах царя Ивана Васильевича Грозного на Казань в 1550 и 1552 годах // Памятники древней письменности и искусства. Т. СXXX. СПб., 1898. С. 26.

¹³⁶ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. С. 160.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.